

Мария Сараджишвили

Рядом с вами

Мария Георгиевна Сараджишвили

Рядом с вами

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54133475
Рядом с вами: Сретенский монастырь; Москва; 2016
ISBN 978-5-7533-1156-6

Аннотация

Герои новой книги М. Сараджишвили далеко не святые. Более того, подчас они только нащупывают тропу, которая может вывести на светлый путь, а может и увести в пропасть. Но в мелочах жизни, в малозначимых, казалось бы, перипетиях их быта, в наивных, подчас беспомощных обывательских трактовках тех или иных обстоятельств – постоянное присутствие Бога, даже когда человек об этом не догадывается.

Для широкого круга читателей.

Содержание

Часть 1. Мелочи жизни	5
Все вернулось до мелочей	5
Пробный брак	14
Шекспир не понял	27
Шекспир на выданье	44
Тяжелый человек	53
История первая, рассказанная Гаяне ее знакомой Мери и понятая ею по-своему	53
История вторая, рассказанная Дездемоной, женой племянника Гаяне Парура, своей троюродной сестре по приезде в Тбилиси	60
Много в жизни несправедливости	65
Семейное насилие	74
Наперекор стереотипам	81
Встреча-предупреждение	90
История первая	90
История вторая	92
Синдром Кикоса	94
Про «борьбу с коррупцией», passive voice и кусочек «щастья»	98
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Мария Сараджишвили

Рядом с вами

© Сараджишвили М.Г., 2016

© Сретенский монастырь, 2016

Часть 1. Мелочи жизни

Все вернулось до мелочей

*Не зли других и сам не злись.
Мы гости в этом бренном мире.
И если что не так – смирись!
Будь поумней и улыбнись.
Холодной думай головой.
Ведь в мире все закономерно:
Зло, излученное тобой,
К тебе вернется непременно.*

– Я должна рассказать тебе что-то важное! – Ния нервно затынулась, подвигая к себе пепельницу – одну из самых востребованных мелочей на их кухне.

Натела внимательно посмотрела на дочь. Такое вступление четко гарантировало какую-то глобальную неприятность.

– Я уже все рассказала Тако, Медико, Кетино, ее подруге Назико с первого этажа... – Ния, по-видимому, собиралась и дальше продолжить внушительный список особо доверенных лиц, но Натела не выдержала, сорвалась:

– Сколько раз я тебя просила: не рассказывать подругам про свои личные дела! Легче было прямо позвонить в «Курьер»¹!

– Ой, мам, не зуди, – окрысилась Ния. – Мне же надо было с кем-то посоветоваться! Берегла ваши нервы – и я же опять плохая. Так вот, все они мне сказали, что надо вас с папой к делу подключить. Иначе все кончится разводом.

Натела обессиленно откинулась на спинку углового диванчика-сундука. Вот почувствовала она, что с их зятем Тенго что-то не то. А тут, оказывается, полгорода в курсе, а она, мать, все узнает в последнюю очередь, и то благодаря милостивому решению каких-то ограниченных Нииных подру-

¹ Информационная передача на канале «Рустави-2».

жек.

Эти вертихвостки-сплетницы ведь точно такие же, как и двадцать пять лет назад. Единственная разница в аксессуарах. Эти открыто курят перед родителями и не могут дня прожить без фейсбука...

* * *

Тогда, четверть века назад, за Нателой, только что переехавшей из деревни в город учиться, стал ухаживать Резо. Он и сейчас видный, как Ричард Гир, а в молодости это было что-то неопишное. Мало кто мог устоять перед его чарами.

У Резо все было на месте, но имелся один весомый минус. Он был безнадежно женат и имел годовалую дочку.

Началось все со «случайных» встреч на улице, потом пошли звонки (эх, где тогда были мобильники, которые очень упростили любовные дела в схожих ситуациях сегодня!). Дальше все пошло по обычной восходящей линии всех романов.

Натела сперва пыталась бороться с подсознательным дискомфортом: «как-то-это-все-нехорошо». Потом подавила навязчивые мысли. А спасибо кому? Хору подружек-болельщиц.

– Натела, вы с Резо просто рождены друг для друга. Шикарно смотрите рядом! – восторгалась Нино, квартирантка в том же дворе.

– А жена его просто уродка перед тобой. Ни лица, ни фигуры, – вторила Пикрия, институтская подруга, рассматривая фото.

– Я слышала, она старше его на два года. Лет через пять будут выглядеть как мать с сыном, – пророчествовала Элико.

Влюбленное сердце парит в облаках, а при такой группе поддержки еще сильнее колотится, отдаваясь в мозг: мы живем только раз! И имеем право на счастье! Не упusti свой шанс!

Они стали встречаться на квартире у Нателы, крадучись и маскируясь от соседей. Но уже через неделю об этих рандеву знал весь двор, через две – вся улица, а через месяц – даже отдаленные знакомые.

За два месяца ощущение новизны слегка улетучилось, экстрим малость поднадоел и у обоих стал возникать вопрос: «А что же дальше?»

Резо уже не так энергично заверял Нателу, что он «вот прямо завтра подаст на развод». Вместо этого начались какие-то вялые пояснения:

– Надо утрясти кое-какие дела...

Вдруг на очередное свидание Резо явился злой-презлой.

– Эту твою Элико я порву на части, если встречу! Что за язык?! Это же надо было такое придумать!

– А в чем дело? – не поняла Натела, готовясь защищать честь подруги. Элико с детства была проверенным кадром. Приняли эстафету дружбы еще от матерей.

– Эта стерва наболтала моей жене, что мы встречаемся два года, ты беременная, я тебя содержу и во-от такое баджагло² уже купил! – Резо нарисовал в воздухе что-то среднее между покрывком и хомутом. – У меня был грандиозный скандал с женой и тещей. Еле сдержался, чтоб не изуродовать их обеих.

– Откуда Элико могла выйти на твою жену? – Натела все еще отказывалась верить в такую подлость.

– Все оттуда, – огрызнулся Резо, расхаживая по комнате, как голодный тигр по клетке. – Элико, оказывается, десять лет назад крестила ребенка нашей соседки с пятого этажа, которая нас постоянно заливает. Я пошел с ней ругаться, а они мне технично нагадили – все выболтали моей жене, прибавив, чего не было. Жена забыла про испорченный потолок и устроила мне танец с саблями наоборот.

Натела дала волю эмоциям – от души разрыдалась.

– Опозорила меня, негодяйка!

И сладкая парочка тут же села обсуждать план действий под кодовым названием «Ответный удар».

В этот самый момент на них и свалилась Цицо, явившись в гости, выслушала сверхэмоциональную речь подпольных влюбленных и подлила масла в огонь:

– Надо показать твоей жене ее место! Ты мужчина или шпротина в банке?! Смотри, как обнаглела!

² Золотое кольцо высокой пробы (груз.).

У Резо чуть искры из глаз не посыпались. Он подскочил на месте и буквально вышиб дверь с воплем.

– Я им покажу, кто я! Надолго запомнят!

В итоге Резо, в пух и прах переругавшись с женой, развелся и женился на Нателе. На свадьбе молодожены выглядели не слишком радостно: заметна была какая-то усталость от победы. Так бывает, когда человек долго чего-то добивается, мучается, а получив, крутит новую штуку и так и этак, думая: «А оно мне надо?»

Совместная жизнь очень скоро показала преимущество прежних встреч накоротке. Тогда все было романтично и красиво, а теперь – обыденно и тускло.

Резо уже не казался Нателе героем кинофильма. Наоборот, открывались все новые и новые неожиданные нюансы.

По-видимому, нечто похожее переживал и Резо.

Спустя положенное время у них родилась крошка Ния...

Сейчас эта «крошка» сидела напротив, дымила не хуже папаши и морщила лоб от обилия проблем.

– Тенго завел себе какую-то стерву. Это точно. Он даже не стал отпираться, когда я его приперла фактами к стенке. Я хотела ворваться туда и вцепиться ей в волосы. – Ниины тонкие наманикюренные пальчики сжались в нервическом спазме.

Натела слушала молча, почему-то кусая губы.

Ния еще какое-то время метала совершенно заслуженные

громы и молнии, с наслаждением перечисляла всевозможные пытки для «этой мерзавки». Потом перешла к цели визита.

– Ты и папа должны серьезно поговорить с Тенго. Особенно папа. Как мужчина с мужчиной. Это последний шанс сохранить семью! У нас ведь ребенок!

Тут как раз в прихожей щелкнул замок, и в конце коридора мелькнула куртка Резо. Через какое-то время он появился на семейном совете и сразу же потребовал себе ужин.

Ния, затушив третью сигарету, стала вводить отца в курс дела.

Резо на какой-то момент застыл, зажав в руке вилку.

Сообщение о любовнице у зятя он выслушал довольно спокойно, даже чему-то улыбнулся: кто не грешен? Но дочерний прессинг продолжался:

– Папа, ты должен серьезно поговорить с Тенго!

Резо отставил от себя недоеденную тарелку.

– Мне нечего ему сказать.

– Как так? – не поняла Ния такой пассивности. – Неужели тебе все равно?! – И перевела взгляд на мать.

Та тоже почему-то странно молчала.

– Мама, скажи хоть ты что-нибудь! Нельзя ломать семью!

Резо нехотя выдавил:

– Когда-то мы с твоей матерью сделали то же самое. И вот теперь все вернулось до мелочей. В чем я должен упрекать Тенго?

– Вы с ума сошли?! – раскричалась Ния. – С каких пор вы стали религиозными фанатиками?

Резо уже вернулся к столу с бутылкой пива и закончил свою мысль:

– Дело тут не в фанатизме. Нам есть что обсудить. Надо все просчитать до мелочей: чтобы вы с Тенго развелись цивилизованно, а не устроили стирку грязного белья на весь Тбилиси. Надо сохранить человеческое лицо. Я уже через это прошел. Дело в вашем сыне, Луке. Ему нужны вы оба. Итак, первое...

Ния постепенно сникла и подавленно слушала план действий. Это и вправду трудная штука – оставаться человеком, когда тебе плюнули в душу.

P.S. В основе рассказа лежит реальная история одной семейной пары, которая двадцать пять лет назад разрушила чужую семью. Когда же, спустя годы, с их дочерью так же поступил их зять, им нечего было сказать ему в упрек.

Пробный брак

Мзия хоть и считала себя духовно грамотным человеком и знала, что зависть происходит от темных сил, но поделаться с собой ничего не могла. Да и как тут не завидовать, когда у всех твоих подруг разнокалиберные дети, а у самой, как в домино, пусто-пусто. Кто-то выскочил замуж в семнадцать-восемнадцать лет и уже был по уши в проблемах своих рослых всезнающих акселератов. Кто-то родил два-три года назад и теперь наслаждался прелестями памперсов и первого детского лепета: «Ма-ма». А Мзии на этом фоне только и оставалось, что утешать себя – всё от Бога, у людей еще хуже бывает – и плестись после работы в вымерший дом слушать надоевшую тишину.

В Тбилиси всегда было много старых дев. Развал Союза, гражданская война и пируэты новорожденной демократии только увеличили их число. Нет постоянной работы, некуда пойти, нет денег. По той же самой причине многие холостяки, втайне вздыхающие о семейном уюте, не дерзали пускаться в опасные эксперименты. Семью надо содержать. А что делать, если в наличии только сезонная работа маляра, сапожника или сантехника на побегушках? Словом, не жизнь, а тоска зеленая.

Несмотря на такую ситуацию, Мзия время от времени подходила к иконе Божией Матери «Споручница грешных»

и мысленно просила: «Управь мою жизнь, Царице Небесная!» Но ничего особо чудесного не происходило, а скорее наоборот – одна трагикомедия. Судите сами.

...Шла как-то Мзия по Авчальскому шоссе, взметая дорожную пыль длиннющей джинсовой юбкой. Торопилась к духовной сестре на чтение акафиста Пресвятой Богородице перед иконой «Неупиваемая Чаша». Глядь – навстречу вдоль помойки мужик стадо облезлых баранов гонит и трехметровым кнутом щелкает. Мелькнуло по старой памяти осуждающее:

– У-у, рожа кирпича просит! – И тут же сама себя укорила: – Прости, Господи...

Лик у раба Божьего был свекольно-красного цвета, нос слегка кренился в сторону, а во рту торчало три пожелтевших зуба. Пастух цепким взглядом оглядел Мзиино оставляющее желать лучшего одеяние и рванулся наперехват:

– Э-э, девушка...

Мзия автоматически отметила про себя: значит, еще не все потеряно, когда к тебе в тридцать пять обращаются именно так, невзирая на пробивающуюся то тут, то там седину.

– Стой, говорю, – не унимался краснорожий. – Меня Шота зовут. У меня недавно жена умерла. Слышь, три сына у меня. Мне нужно, чтоб кто-то мацони делал. Я пасти буду, а ты – дома возиться.

Шота уверенно ухватился за Мзиину руку.

– Заживем! – И в темпе стал излагать свои требования: –

Мне и национальность твоя не важна. Лишь бы порядочная была. Нет, ты посмотри, какие у меня бараны!

Мзия вырвала руку из мертвой хватки и ускорила шаг.

– А ты часто здесь? – кричал ей в спину искатель семейных уз.

Мзия с облегчением юркнула в знакомый подъезд, слыша за спиной дружный топот отары.

Через неделю Мзия, задумавшись, шла той же дорогой. Вдруг слышит: сзади кто-то свистит и кнутом яростно хлопает. Оглянулась на свою голову, полюбопытствовала. Тот же самый пастух ей рукой машет и кричит на всю улицу:

– Эй! Не узнаешь меня?! Я ответ хочу!

Мзия от изумления затормозила.

– Какой ответ?

Пастух тем временем отару поближе подогнал и, дыша легким перегаром, объяснил:

– Забыла, что ли? Жена мне нужна! Мацони делать. Без жены совсем зарал³. Я прошлый раз забыл сказать. У меня две коровы, тридцать баранов и бензопила «Дружба». Проблем не будет! Согласна? Э-э, стой! Куда бежишь?!

Мзия прибавила ходу. Вот и молись после этого. Что про-
сишь, то и посылают. Но все-таки продолжала упрямо каню-
чить у иконы: «Дай мне верующего мужа!..»

Следом другой случай вышел. Еще круче прежнего. Позвала как-то Мзию толстушка Вероника:

³ Убыток (груз.).

– Приходи ко мне окна мыть. Я в запарке.

Мзия тогда опять без работы куковала. Вот и поехала – все же благое дело. Пили кофе, когда – хлоп! – звонок в дверь. Очередной Вероникин приятель завернул на огонек. Сел и давай в упор Мзию рассматривать... На другой день позвонил и назначил свидание на проспекте Руставели под часами. Еще и внушение сделал:

– Смотри не опаздывай! У меня к тебе важное дело.

Мзия – человек обязательный. Вот и пошла. Зарзан ее сразу цап за руку и с места в карьер:

– Короче, так. Нам надо обсудить, когда ты за меня замуж выйдешь.

– С какой это радости? – не поняла Мзия.

– Ты в свой паспорт посмотри. Я человек серьезный. Во! – И тычет ей под нос средней мозолистости руки. – Я сантехник. Про тебя мне все известно. Ты меня устраиваешь. И мама моя уже согласна.

Мзия глубоко вздохнула. Сердце-вещун уныло тикало: не то это все, не то. Зарзан пригладил черные с проседью волосы, важно извлек из кармана рваный целлофан с черно-белыми фотками и начал показывать поштучно, объясняя:

– Это моя мама, это папа Зарзан. Это мы с первой женой у гроба нашего сына... А эта стерва – моя вторая жена. А вот сын мой – Зарзан... А че? Ты же должна знать, в какую семьюходишь.

– У вас других имен в роду нет? – съехидничала Мзия,

чтобы разрядить обстановку. Но «фотогид» юмора не понял и насупился.

– А что тут такого? У меня и внук будет Зарзан. Ты слушай, не перебивай. Так вот. Меня вторая жена два раза на срок посылала. Я неделю как из Ортачальской тюрьмы вышел. Срочно хочу жениться, чтобы снова не сесть.

– А за что сел? – полюбопытствовала Мзия.

– Мне скрывать нечего! – Зарзан вскинул карие глаза и выпятил намечающийся животик. – Первый раз за хранение оружия, второй – за наркотики. А так я в жизни чужой копейки не взял!

Мзия решила закруглить исповедь-биографию.

– Я очень польщена оказанной мне честью. Но не сможешь ты, Зарзан-джан, со мной жить.

– Почему это? – насторожился он. – Мне сказали, ты посты держишь. Мол, надо лобио и бадриджаны есть. Я подписываюсь на это дело!

– Кроме лобио, это еще и сто восемьдесят дней воздержания в году. – Мзия сделала ход конем, наблюдая за реакцией.

– Сколько-сколько? – не сразу вник Зарзан. Потом помолчал, что-то прикидывая в уме, вздохнул и поднялся. – Да, извини, не знал. Ну, ладно, счастливо! – И бодро зашагал к метро.

Вероника потом, узнав о фиаско, ругала Мзию на чем свет стоит:

– ... Чего ты выпендриваешься?! У меня за тебя душа бо-

лит! Человек ведь серьезно хотел, без туфты. А ты все принца на белом коне ждешь! Ну-ну, надежда – бог фраера. Посмотрим, кого ты высидишь...

...Но вышло у Мзии точь-в-точь как в грузинской пословице: «Где судьба твоя, туда тебя ноги сами приведут». Застряла как-то Мзия у Марины, бывшей одноклассницы. Хотела было звонить куда-то по делу, но тут выяснилось, что телефон за неуплату отключен. Недолго думая, решили обойти соседей.

Марина, угловатая очкастая девица без возраста, уверенно повела ее по этажам, комментируя:

– ...Здесь тоже телефон отключен... А к этим лучше не заходить. Жмоты. Снега зимой не выпросишь... Зура в деревне сорок дней отмечает двоюродной тетки... Во, давай сюда, – и кивнула на плохо прикрытую дверь в трещинах.

– Может, не надо? – отпрянула Мзия, вслушиваясь в разговор, рвущийся наружу.

– ...Ах ты, скотина недоделанная!.. Чтоб я твой гроб завтра вот здесь поставила!.. – лаял старушечий хриплый голос.

– Помалкивай! Разблатовалась тут! – перекрывал ее молодой уверенный тон.

Но Марина уже толкнула дверь, поясняя через плечо:

– Не пугайся, у них это обычное дело. – И, громко поздравившись, объявила: – Нам позвонить надо.

Бабка в лыжной шапке, сидящая на ободранном диване, на минуту прервалась от полета мысли и ласково ослаби-

лась:

– Проходите, деточки!

Зеленоглазая лохматая девица, в три круга обмотанная пестрым шарфом, извлекла из-под дивана телефон с рубцами изоленты и шмякнула его об стол:

– Вот! Звоните.

Пока Мзия крутила искривленный диск, она краем глаза заметила на столе среди тарелок книгу «Люди и демоны» и робко поинтересовалась:

– Извините, можно посмотреть?

– Да хоть совсем забери, – отозвалась бабка, внимательно осматривая гостью, – у моего сыночка этого добра хватает. Все деньги в эту чепуху вбухивает, придурошный.

«Придурошный» при ближайшем знакомстве оказался верующим из соседней церкви. В просторечии звался Рудиком, в святом Крещении числился Родионом, а на улице его знали как неплохого сапожника.

...И пошло-поехало. Разговоры на духовные темы, обмен книжками, а по прочтении – мнениями и восторгами. Словом, зачастила Мзия в квартиру на первом этаже. Стала заходить без стука, как и все соседи. Сперва странновато было, но Рима, Рудикина мать, растолковала:

– А чего нам запираяться? Тут воровать нечего. Все золото давно в ломбарде лежит. В холодильнике у нас мышь повесилась. А битую посуду даже на Сухом мосту⁴ не продашь. –

⁴ Сухой мост в Тбилиси – место, где продают принесенные из дома вещи.

И обрадовала: – Ты давай почаще заходи. В невестки хочу тебя взять. Мой сынок на церкви повернут. И ты такая же. Значит, споетесь....

Спевка шла вначале с большим скрипом. Рудик говорил о чем угодно, только не о женитьбе. С жаром рассказывал об армии как о самом светлом воспоминании в своей жизни, о проблемах доставки ереванского клея и нужных колодок и прочее, прочее... Мзия терпеливо выслушивала из вежливости все мемуары, старательно подавляя зевоту. И Рудик наконец-то признался:

– Мне очень хорошо с тобой. Так внимательно меня никто не слушал. Я ведь для всех белая ворона.

– А я – акула капитализма. Все о деньгах, грешница, помышляю. – Мзия запустила пробный шар, наблюдая за реакцией.

Рудик улыбнулся во весь свой шербатый рот.

– Что ж, все мы люди грешные. А я раньше, до того как Бога узнал, блудил много. Теперь вот грехи замаливаю. Своим ближним служу. Хотелось бы жениться, да кому я такой нужен...

...Дальнейшие события показали, что Рудик заблуждался. Мзия сбегала к своему духовнику за советом и благословением.

– Бог благословит, – тут же откликнулся священник, сразу вникнув в суть дела. – Тебе же нужен кто-то на старости лет. И ему. Тем более он за больной матерью смотрит. Так что

приходите венчаться.

Мзия поспешила откланяться, избегая встречаться с советчиком взглядом. Венчание не входило в ее планы. Пока и пробный брак сгодится. Вон у всех подруг не семейная жизнь, а сплошные разводы. Кое-кто и в церковь сбегал, а толк нулевой. Мужики от этого надежней не становятся. И Рудик этот больно блаженный на вид. Кто его знает, на что он в семейных буднях способен. Нет уж, пусть время все по местам расставит.

Просчитала Мзия по привычке и запасной вариант, если придется уйти от Рудика беременной. Что ж, тоже не проблема – родня поможет, сжалится. И смело приступила к брачному эксперименту, мысленно воодушевляя себя: «Мое дело чистое. Благословение все покроет».

Свекровь – бабка в неизменной шапке – встретила невестку хорошо.

– Мы люди простые, Мзия. Надо будет – погавкаемся, потом помиримся. Живем мы из долга в долг. Но, главное, нос не вешаем. – Потом по-петушиному вскинула голову и притворно-грозно прикрикнула: – Ну, что смотришь? Иди суп сготовь. Там в ящике немного картошки завалилось...

Чужой быт закружил Мзию со страшной силой: стирка, уборка, готовка плюс постоянные скандалы между бабкой и внучкой – новообретенной племянницей. Каждое утро четко начиналось дежурной перебранкой, щедро сдобренной ненормативной лексикой. Мзия по привычке пыталась чи-

тать утреннее правило под этот аккомпанемент. Рудик с ко-
собокой кровати вторил ей мирным храпом. У него начался
очередной мертвый сезон, и он отсыпался и за прошлые, и
за будущие труды одновременно.

* * *

...Беременность, хоть и была желанной, все же явилась
неожиданностью.

– Как! Так быстро? – опешила Мзия, недоуменно рассмат-
ривая две красные полоски на блиц-тесте.

Рудик со всеми домашними воспринял новость на «ура»:
– Ух, какую жену Господь мне послал! И за что мне такое,

грешнику? Кому я кусок хлеба подал? Нет, надо срочно венчаться. И так в грехе живем.

– Делать мне нечего – с тобой венчаться! – испепелила его взглядом Мзия. – Зла на тебя не хватает! Хронический безработный. Не сегодня-завтра уйду от тебя!

Рудик поднял сросшиеся брови домиком:

– Не понял... Как это – «уйду»? Нас Бог соединил. Я другой жены не хочу. Надо просто терпеть друг друга и прощать слабости. Недаром на всех иконах написано: «Да любите друг друга». А все остальное приложится...

Мзия вместо ответа хлопнула дверью и понеслась разъяренной фурией на работу, бурча себе под нос: «Женщины кровь из носа работу находят, а мужики, видите ли, сезона ждут».

...Придя с работы, Мзия обнаружила идеальный порядок на кухне и светящуюся от самодовольства свекровь.

– Ну, как там мой сыночек убрал? Цени его. Не у всех такой муж! Не бьет, не пьет, не гуляет. Мой покойник меня так гонял, что я пятый угол на потолке искала.

– Лучше бы он работу искал, – огрызнулась Мзия, не тормозя перед сверкающим великолепием кухни.

Свекровь поджала губы, возвела глаза к закопченному потолку и прошептала:

– Господи, дай мне терпение. А что делать? Моего внука или внучку носит.

Мзия и это пропустила мимо ушей. Ведь бабка эта – лишь

переходный этап в ее жизни. Завтра уйдет отсюда – и все, до свидания. Еще не хватает, чтобы ее, Мзиин, ребенок рос среди этих птеродактилей.

...Ночью как-то подслушала разговор матери с сыном.

– Ну, ты и влип, Рудик. Она на деньгах зацикленная...

Умру я – сгрызет тебя, беднягу, – вздыхала старуха-матерщинница.

Рудик, пуская кольца дыма, не сразу отозвался:

– Мы все не святые. Все равно я не жалею, что женился.

Потерплю ее...

Мзия фыркнула и пошла досматривать прерванный сон.

Три месяца пролетело как один день. «Скоро он начнет двигаться», – предвкушала Мзия... И вдруг выкидыш. Све-кровь, узнав об этом, заплакала навзрыд в самодельный платок и прижала к себе невестку трясущейся рукой.

– Доченька, доченька, как я твою боль понимаю. И у меня такое было. – И пустилась в подробные воспоминания. Мзия слушала вполуха про чужие аборты и плакала о своем, несбывшемся. – Ты, доченька, не унывай, – не замолкала надоедливая старуха. – Я хоть и великая грешница, и в церковь не хожу, как вы оба, а за тебя молиться буду. Жизнь на этом не кончается.

Рудик со своей стороны, как мог, тоже пытался успокоить жену.

– Это нам испытание. Я же говорил: надо венчаться. Господь – Само Милосердие. Кто знает, может, из-за моих ста-

рых грехов. Тут главное – не роптать...

Мзия слушала слова утешения и с удивлением обнаружила, что люди эти, которые еще вчера воспринимались ею как что-то временное и нереальное, на самом деле и есть самое что ни на есть постоянное и настоящее. Ее семья.

...Примерно через месяц Мзия, стараясь не встречаться с Рудиком глазами, выдавила из себя:

– Ты это... хотел венчаться... Я согласна... Теперь, думаю, смогу прожить с тобой всю жизнь.

Рудик просиял:

– Я знал, что ты согласишься... Я где-то читал, что в браке супруги не должны подавлять волю друг друга... Я понимал, что ты не любишь меня, и ждал, когда к тебе это придет... И вот я вознагражден. Постараюсь быть тебе хорошим мужем...

Шекспир не понял

На Плеханова стоит двухэтажный дом XIX века. Такой же, как и его соседи. Резные деревянные балконы, веревки с бельем через весь двор. Единственное отличие – тутовое дерево в три обхвата толщиной, которое растет прямо из первого этажа, создавая приятную тень во дворе, а в сезон туты привлекая множество мух, которых манят раздавленные ягоды на асфальте.

С этим деревом была связана одна курьезная история.

Дворовая летопись умалчивает подробности, а повествует только об одном неоспоримом факте: после войны поселились в одной комнате на первом этаже супруги – дворники Арамаис и Кнарлик Халатян. Кнарлик сразу же потребовала от мужа спилить старую туту, которая нагло занимала большую часть их залы. Арамаис, которого во дворе звали Арамисом, сказал свое веское слово:

– Это добрый знак. Бог даст нам здесь много детей, и мы расцветем как эта тута весной.

Кнарлик, уже обошедшая всех в Гардабани, лечась от бесплодия, решила больше не поднимать эту тему.

Время шло, но особого цветения в семье дворников не наблюдалось. Старая тута с завидным упрямством плодоносила каждый год, все больше и больше прибавляя работы для уборки в виде опавших листьев либо гниющих плодов.

Пришла как-то к Арамаису его троюродная тетка, сгорбленная Арпеника, и, шевеля кустистыми бровями, дала дельный совет:

– Усыновите кого-нибудь, и Бог даст вам своего ребенка.

И в подтверждение привела историю из жизни своей прабабки, жившей в турецком Карсе, с которой и произошло вышеуказанное чудо.

Арамаис недолго собирался и на следующей неделе отправился в Тбилисский дом младенца. Там ему предложили несколько кандидатур. Но и тут, как нарочно, все были девочками и только один мальчик, который значился Мамедом Мамедовым.

Арамаис вздохнул: вот, дескать, судьба-индейка и тут строит мерзкую гримасу: вместо родной кровушки или, на худой конец, грузина или русского – на тебе, татарчонка подпихивает. Однако решимость обрести наследника немедленно не дала ему ходу назад.

– А... ммм – почесал он в затылке, – имя поменять можно?

Молодая докторша с помадой-светофором побарабанила ноготком по столу:

– Как хотите.

Арамаис, сам не зная с чего, выпалил:

– Назову Шекспиром. Пускай большим человеком будет!

Докторша глупо хихикнула, но тут же напустила на себя серьезный вид.

Арамаис насупился.

– Иа-а! Я что плохого сказал? У меня кавор⁵ жестяничком работает. Так он Нельсон – Нелик-джан. Или друг мой – на одном горшке, извиняюсь, в детском саду сидели. Его Вашингтоном зовут. Не человек, что ли?

Белохалатница изящно подъязвила:

– Да, армяне любят давать такие имена.

Арамаис еще больше сдвинул брови. Грузин хлебом не корми, дай свое превосходство показать. И он сделал армянский ход конем:

⁵ Свидетель на свадьбе, впоследствии он же должен крестить детей (арм.).

– У меня сосед во дворе – Жюльверн Хачапуридзе. Хороший тамада, между прочим. – И упрямо заключил, как печать поставил: – Шекспиром будет мой сын!

Так на первом этаже под сенью старой туты появился новый жилец – Шекспир Халатян.

Дерево с годами становилось все шире в объёме, а супруги-дворники с годами все больше и больше усыхали, напоминая со стороны два старых сучка с той туты.

У Господа Бога были, по-видимому, другие планы в отношении этой парочки. Шекспир, или Шеко, как звали его во дворе, вырос единственным ребенком и со временем выровнялся в невысокого худощавого парня с округлыми черными глазами.

Кнарлик уже хотела его женить, высматривала девочек из семей победнее (на богатую невесту и золота много надо), но и тут гладко ничего не выходило. Матери невест, услышав о кандидате в зятя, дружно воротили носы, высказываясь поразному:

– Моей пока рано замуж.

– Твой мальчик мало зарабатывает.

– А почему он до сих пор не женат? Значит, он либо пьяница, либо наркоман! А может, у него по мужской части что-то не то?

Кнарлик возмущенно махала руками на хулипеньиц, пытаясь доказать, что у Шекспира на всех фронтах полный порядок, но тут же осекалась от избытка эмоций и нехватки

аргументов.

Энтузиазм брачной лихорадки как-то сам собой сошел на нет, и за Шекспиром после смерти родителей прочно укоренилась слава «неженатика с приветом». Почему с приветом? – спросите вы. Да потому, что его никто всерьез не воспринимал. Так, мальчик на побегушках.

Целый день во дворе только и слышалось:

– Эй! Шекспира! Ты куда пропал? По-братски подымись ко мне, что-то тарелка барахлит, Москву не ловит, – кричит Важа Сихарулидзе, свесив полный живот за перила резного балкона.

И Шекспира будто ветром сдувает из его каморки с тутой. Через пять минут его черная кучерявая голова уже мелькает на балконе второго этажа.

Не пройдет и двух часов, как истеричка Этери зовет с противоположного балкона:

– Шекспира-а! Где ты? А ну, выгляни!

И на балконе тут же появляется знакомый худой силуэт с поднятыми плечами. Шекспир сутулый, как вопросительный знак.

– Что хочешь, тетя Этери?

– У меня мясорубка не режет. Приди, ну, нож заточи.

Через какое-то время из ее кухни доносятся кляцающие о металл звуки, а потом слащавая похвала ворчуньи Этери, которая ухитрилась быть в ссоре со всеми во дворе попеременно.

– Ай, сагол⁶, Шекспир! Правда, золотые руки. Только, жалко, невезучий.

Это тоже было общедворовое мнение. Да и как еще назвать человека, который вечно без денег, бегают взад-вперед, а за труды свои ничего не просит, считая, что «на соседях деньги делать нельзя»?

Постоянной работы Шекспир, понятное дело, не имел. Позовет его кто-то раз в квартал проводку провести или покрасить что-нибудь, и то хорошо. Вот и был Шекспир постоянно в долгах, курил чужие сигареты, если угощали, и так перебивался из года в год. А о лучшем даже не мечтал. По безотказности ему хоть раз в день перепадала то тарелка супа, то аджабсанда. Свет у него в каморке был пожизненно отключен за неуплату, и соседи иногда спускали с верхних этажей удлинитель – «одадживали» свое электричество.

Так дожил Шекспир до сорока лет с хвостиком. День рождения он никогда не отмечал и всегда путал свой точный возраст.

И вдруг такое однообразное житие его резко изменилось. В то историческое утро Шекспир проснулся от стука в потолок. По ударам сообразил: орудовали шваброй. Так Этери звала его, когда что-то было нужно. Шекспир просунул всклокоченную голову в разошедшееся окно, вывернулся на 180 градусов.

– Что случилось, тетя Этери?

⁶ Молодец (азерб.).

Сверху полной луной маячила заплывшая физиономия соседки.

– Опять раковина засорилась. Шеко, сынок, подымись, – просительно шамкнула беззубым ртом Этери. Потом добавила заискивающе: – Я уже тебе и кофе приготовила.

Шекспир, не умывшись, схватил «лягушку» и еще кое-какие инструменты, которые валялись у входа, и побежал наверх.

Этери уже заняла стратегическую позицию на табуретке против раковины, курила и стряхивала пепел в банку из-под кофе «Пеле». Наблюдая за ремонтными работами, она изда- лека начала свою речь:

– ...Вот нет на свете справедливости. Сколько я людям добра сделала – и какой толк? Живу, как бомж, все от меня отворачиваются. Это правительство, чтоб оно в жизни радости не видело, все время на моих нервах играет. Позорную пенсию четырнадцать лар – и то вовремя не дают. Иногда си- жу и думаю: надо мою пенсию получить, пойти к знающему человеку и сильное джадо⁷ сделать на Шеварднадзе. За всех пенсионеров Грузии порчу на него напущу...

Этери еще собиралась продолжить изложение своих кро- вожадных планов, но тут с засором было покончено. Шекс- пир оглянулся на народную мстительницу и недоуменно спросил:

– А какой толк? Я слышал, джадо возвращается. По-мое-

⁷ Порча (груз.).

му, так лучше подождать. Все когда-нибудь кончается.

Этери, не терпевшая никаких возражений, разразилась известным причитанием:

– Уй, уй! Несчастный! Тебе б мозги, а мне бы деньги! – Потом почему-то остановилась и продолжила уже в другом духе:

– Тебя если не женить, совсем сбрендишь. – И, воодушевляясь своей идеей все больше и больше, заторопилась:

– А что, у меня и невеста имеется. В соседний двор одна культурная женщина ходит. Хевсурские шапки на заказ шьет, вышивку делает, скатерти вяжет. Всегда при деньгах. Жена, какая бы плохая ни была, все равно мужу тарелку супа нальет... Да, самое главное, – Этери сделала паузу, чтоб потенциальный жених успел переварить такое количество информации, – она, как и ты, верующая. Будете жить душа в душу.

Шекспир задумался: верующая, при деньгах и тарелке супа. И правда, чем не вариант?

Тут следует пояснить, откуда Шекспир прослыл верующим. У него, как и у всех уважающих себя людей, был свой закуток – несколько его ровесников собирались на параллельной улице попить пива в подвале. Туда заходил расслабиться и псаломщик Сергей из Александро-Невской церкви. Как известно, у кого что болит, тот о том и говорит. Шофер будет рассказывать вам про запчасти, доктор – о способах лечения, а псаломщик – о церкви. Из всего состава Сергея

внимательнее всех слушал Шекспир. Особенно легли ему на сердце фразы: *Не заботьтесь, <...> что вам есть* (Лк. 12, 22) и *Не собирайте себе сокровищ на земле* (Мф. 6, 19). По всему выходило, что Шекспир – самый настоящий христианин по образу жизни и есть. И у неофита появился новый конек: он мог часами изливать первому встречному всё то душеспасительное ассорти, что воспринял от Сергея.

Соседи – первые жертвы его красноречия – вначале испуганно охали от его нового амплуа:

– Ва, Шекспир, ты вообще хоть крещеный?

– А то как же, – отвечал он совершенно серьезно. – Меня ангелы крестили во сне, и теперь я Иван.

Соседи только отмахивались и крутили пальцем у виска. Потом и эта реакция притупилась...

Этери рьяно принялась налаживать мосты между предполагаемыми супругами. Зазвала к себе Магду-шапошницу якобы посмотреть товар. Долго перебирала шапки, где-то восхищалась, где-то критиковала работу, а между тем вклинила свое:

– У меня сосед есть – золотой человек, Шекспиром зовут. На все руки мастер. Хочешь тебе сантехника, хочешь – электрика. А кафель кладет – ммм... – Этери покачала перевязанной головой, будто вкушала рахат-лухум. – Президента в туалет не стыдно впустить. Только сейчас слегка перерыв у него – работы нет. А верующий какой: двадцать четыре часа о Боге говорит, как твое радио. Характер у него тихий, хоть

по башке ему сковородкой дай – не заметит. С таким мужем сто лет проживешь – ни разу не поругаешься.

Магда вроде бы заглотила крючок: слушала, не перебивая. Только в конце уточнила:

– В какую церковь ходит? Кто у него духовник?

Этери не сплеховала и тут же достойный ответ нашла:

– А он во все сразу ходит. Я вас познакомлю, дальше вы сами смотрите. Пойдем сейчас к нему, будто ты хочешь кафель поменять.

Магда помялась для приличия, потом согласилась. Когда тебе тридцать пять, любая попытка – не пытка. И кандидат подходящий: с жилплощадью, при золотых руках и, самое главное, верующий.

Знакомство состоялось, и с легкой руки старой сплетницы дело скоро подошло к венчанию. Новоиспеченный глава семьи все материальные мелочи великодушно поручил своей второй половине:

– У женщин это все лучше получается. А у меня, как говорится, «мелких нет», а когда крупные появятся, все будет в твоём полном распоряжении.

Магда уверенно строила бытовые планы, а Шекспир подкивал.

– Хорошо бы ремонтик сделать, – говорила новобрачная.

– А как же, – вторил её муж. – Как деньги на обои наскребем, так сразу.

– Хлам я весь выкину.

– Тебе виднее, пусенька.

– Надо бы цветы посадить...

– Да хоть целую клумбу. Где-то у меня тут консервные банки валялись. Зачем добру пропадать.

Так, в любви и согласии, зажили двое верующих, на деле подтверждая, что семья – малая церковь.

Магда сделала генеральную уборку, посадила росточки по банкам, заплатила долги за свет. Шекспир, возлежа на чистой постели, смотрел допотопный телевизор и думал: «Хорошая вещь – женитьба. Богоугодное дело». И, оторвавшись от своих ласкающих душу думок, подал голос:

– Что там у нас покушать?

У Магды уже жареная картошка была наготове.

Словом, не жизнь, а малиновое варенье наступило для Шекспира. Магда хоть и была не ахти какой хозяйкой, но со стороны мужа неизменно встречала слова благодарности за любой недосоленный суп и полную свободу действий на малюсенькой площади.

Что еще нужно простым людям для счастья?

Через два месяца Магда сообщила супругу:

– Скоро нас будет трое.

Будущий отец был в восторге.

– Явное Божье благословение нам, – изрек он, не меняя горизонтального положения.

Магда плавно перевела разговор на то, что молодой семье многое надо. Шекспир охотно согласился, но напомнил су-

пруге о страждущих и обремененных всего мира:

– За все надо Богу спасибо сказать. В Сомали люди хуже нашего живут.

Магда же впервые проявила несогласие с богоданным мужем:

– Что мне Сомали? Под лежачий камень вода не течет. Надо шевелиться, что-то делать.

– А что делать? – вздохнул ее супруг. – Всё от Бога. И работа тоже. Может, к лету меня на малярку позовут.

– К лету у нас ребенок родится.

– Вот и прекрасно.

Такой вот случился неприятный разговор на безоблачном небосклоне семейной идиллии. Шекспир это все на беременность списал. Слышал от знающих людей, что у женщин в этот период характер портится. Решил, что надо терпеть и отвечать на всё любовью, как апостолы заповедали.

Но через неделю снова инцидент вышел. Поймал Шекспира на улице сосед Тазо по кличке Лар. Его так прозвали, потому что он ко всем пристает с одним и тем же: «Одолжи лар до завтра». «Завтра» у него – понятие растяжимое, теряется в необозримом будущем.

Так вот, зацапал он Шекспира и говорит:

– Ты теперь женатый человек. Дай десять лар. Очень нужно.

Шекспир бегом к жене с аналогичным текстом:

– Дай десять лар. Срочно нужно.

– У меня только пять, – отозвалась Магда.

– Давай что есть! – И Шекспира тут же на улицу как ветром сдуло.

Вечером за чаепитием Магда устроила супругу настоящий допрос:

– Куда ты дел мои пять лар?

Шекспир честно рассказал, как было дело. И каково же было его удивление, когда он натолкнулся на полное непонимание лозунга «Спешите делать добро».

– Этого еще не хватало, чтоб здешние босяки у меня деньги списывали!

– Послушай, – пытался до нее достучаться Шекспир, – в житии Иоанна Кронштадтского есть такой момент. Раз пришла к нему женщина: «Я, говорит, всю жизнь деньги собираю, хочу церкви пожертвовать. Вот три тысячи». Следом подошел к нему растратчик и говорит со слезами: «Батюшка, я пропил казенные деньги. Завтра меня будут судить». Иоанн Кронштадтский тут же отдал эти три тысячи просящему.

Рассказчик даже смахнул непрошеную слезу от нарисовавшейся в голове сцены. Потом вернулся к печальной реальности:

– Что же ты хочешь, женщина?! Я поступил, как Иоанн Кронштадтский.

– Что-то я ничего такого в житии не помню, – отрезала супруга. – Сам заработай, потом раздавай.

Шекспиру стало обидно. Не его сегодня день. Затем

вспомнил евангельское *и враги человеку домашние его* (Мф. 10, 32) и слегка приободрился. Надо нести свой крест дальше.

С того дня пошли между супругами непонимания, а подчас и грызня.

Магда всерьез решила трудоустроить мужа, попросив об этом своих шапочных клиентов. И довольно быстро нашла ему несколько мелких работ: где-то окна красить, в другом месте – обои клеить.

День теперь начинался с шума, лишавшего душу благодати:

– Аба, быстро вставай, быстро одевайся! Завтрак на подносе у кровати. Люди ждут!

– Подождут, – бурчал трудящийся. – Что же я теперь – на цырлах бежать должен? Работа – не волк.

К часу дня Шекспир, не приемлющий суеты и спешки, дотаскивал себя до пункта назначения. Клиенты почему-то были не в восторге от его неторопливого стиля работы и жаловались Магде. А она по принципу домино выливали всё недовольство на голову смиреннейшего трудника.

– Так у нас ничего не получится. Я скоро не смогу работать. Мне нужны деньги на роды и еще куча всего.

– Работаю, как могу, – оправдывался Шекспир. – Не всем же быть олигархами. Вот увидишь, к родам деньги появятся сами собой.

Магда злилась:

– На Бога надейся, а сам не плошай!

За месяц до родов случилось явное посрамление маловерной жены. Один клиент дал деньги вперед со сказочным условием: «Сделай ремонт, когда сможешь».

Шекспир был наверху блаженства, рассказывал всем и вся про то, как Господь лучше нашего знает, когда нам что нужно.

Но, как известно, темные силы не дремлют. Два дня длился триумф верующего сердца, а на третий к Шекспиру подошел Вахо Жгенти, отозвал в сторонку и, размазывая по лицу скупые мужские слезы из сухих глаз, со стоном поведал:

– Одолжи мне тысячу лар. Я проигрался. Если не отдам, эти негодяи порежут на куски моих детей.

Шекспир, не колеблясь, тут же вынес просимое – то, что отложил на роды.

– Ты настоящий друг, – проникновенно сказал Вахо, пряча выклянченную сумму. – Отдам, когда смогу.

Магда, узнав об акте самопожертвования, собрала вещи и перешла к матери, сказав:

– Хочу доносить дитя спокойно. А то последние нервы на тебя изведу.

Шекспир принял это решение, как от руки Божией. Надо терпеть. Каково же было его удивление, когда в роддоме, увидев новорожденного сына, тут же услышал ультиматум:

– Или ты в корне меняешь свой образ жизни, находишь постоянную работу, хотя бы на двести лар, или каждый пой-

дет своим путем.

– А как же клятвы перед аналоем? – опешил Шекспир. – Что за примитивный материальный подход к жизни! Какая же ты верующая? Я не собираюсь ничего менять в своей жизни.

Но Магда повела себя как торговка на базаре:

– Мое слово последнее.

Шок, настоящий шок испытал Шекспир.

Двор ему сочувствовал, как мог. Особо ораторствовал Вахо Жгенти, возмущаясь всеми негодными женами в масштабе всего человечества. Он-то и подкинул неразработанную версию:

– А может, и ребенок не твой?

Шекспир повелся. А что, у бессовестных людей все бывает! Свой вывод он высказал Магде. Та даже оправдываться не стала. Видать, совесть ее обличала, только заявила:

– Не смей мне больше звонить!

Не понял ее Шекспир, как есть, не понял. Бросить такого ангельского мужа, бесчестно обмануть...

Душа его плакала и стенала от мысли, что счастье было так близко...

Со временем все вернулось на круги своя. Шекспир – такой же безотказный человек для всех, кому нужна его помощь. Только на душе у него незаживающая рана.

Шекспир на выданье

Примерно через полгода после окончательного разрыва с Магдой Шекспир, остыв от перенесенного стресса, предпринял попытку навести сожженные мосты. Руководствуясь своими духовными познаниями, он для начала простил изменщицу в сердце своем, а потом бодро стал названивать Магде на мобильник. Говорил одну и ту же сакральную фразу, прежде чем та успевала отключить навязчивый звонок:

– Хочу видеть сына!

– А ты забыл, негодяй, что отрекся от него?! – кричала Магда и яростно жала на кнопку отбоя.

Шекспир распался еще пуще и бубнил себе под горбатый рубильник фразу, усвоенную еще из армейской службы от сержанта: «Нет таких крепостей, которые бы большевики не взяли».

Тут следует отметить, что к советской армии Шекспир испытывал трепетное чувство типа первой любви. Ему нравилось в ней все: режим дня, общая еда, наряды вне очереди. Во всем этом он видел прообраз христианской общины.

Магду он в период короткого жениховства, помнится, сразил наповал своей феноменальной памятью:

– Хочешь, я скажу тебе номер моего автомата? – И гордо выпалил без запинки десятизначное число.

Магда молчала. Наверное, отходила от шока. Что и гово-

ритель, тогда богоданная женушка была не в пример сговорчивей и вообще чистый ангел и олицетворение покорности. И надо же, в какого огнедышащего монстра она превратилась спустя какой-то год! Трубки кидает, даже выслушать не хочет.

И Шекспир принялся строчить длиннющие эсэмэски исключительно духовного содержания, чтоб грешницу в разум истинный ввести.

Вот один из его перлов, которые сохранил мобильник:

«Покайся, негодная, что обманула мужа богоданного, нарушив обеты венчания, пока Ангел смерти не пришел к тебе и не призвал на суд Божий, – ибо ждет тебя ад кромешный и скрежет зубовой». Отправил десяток эсэмэсок и, решив, что кашу маслом не испортишь, сделал приписку: «Имей же совесть, ответь хоть из вежливости. А то у меня из-за тебя уже палец болит на кнопки нажимать!»

Это сработало моментально. Магда позвонила и принялась вопить гадости про бездельника и никчемного человека, которого не интересуется, что ест его ребенок.

У Шекспира аж уши заложило.

Целую неделю Шекспир строчил эсэмэски, но дело успеха не имело. Пришлось обратиться за помощью к соседям. А именно к Вахо Жгенти.

– Вот что я сделал плохого, Вахо? А вдруг и правда ребенок мой? Просто хочу посмотреть. Что случится? В роддоме толком не разглядел. На улице, когда вижу, тоже не разберешь. А она на деньгах точно повернутая. Я слышал, многие, в разводе которые, просто так ходят, денег не дают, а детей видят. Я же не олигарх, что она от меня хочет?

Вахо со знанием дела поучал приятеля:

– Шекспир-джан, она тебя не стоит. Я сразу понял. Ты, главное, не зацикливайся, запросто снова женишься. Нас, мужчин, мало. За честь почитать должны. А насчет ребенка – тут генетический анализ нужен. Пусть она тебе и докажет.

– Да, но я венчался, – запротестовал Шекспир против такого легкомысленного отношения к браку. – У человека должна быть одна жена. Раз и навсегда.

Вахо присвистнул и, хлопнув соседа-простака по плечу, тут же предложил другой вариант:

– Какие проблемы? А ты развенчайся и другую приведи. Хочешь, помогу? Я вместе с тобой пойду к священнику, который вас венчал, и помогу разобраться.

В глубине души Вахо понимал, что вся каша из-за него заварилась, вот и старался загладить свою вину своеобразной заботой. Потому и не стал откладывать визит в долгий ящик, и довольно скоро друзья оказались у священника. Вахо в двух словах изложил суть проблемы: измена жены и желание мужа вступить во второй брак.

– А жена какого мнения? – последовал абсолютно неожиданный вопрос. – Она что скажет в свое оправдание? Пусть придет на разговор.

Вахо тут же набрал номер Магды и вкрадчиво спросил:

– Тут в церкви интересуются, какие ты претензии имеешь к Шекспиру.

Из трубки понеслась пулеметная очередь обвинений: «Бездельник, которого не интересует, что ест его ребенок! Где у меня время ходить, разбираться с грудным и что-то доказывать? Не знаю, где деньги достать!»

Вахо очень к месту напомнил про генетический анализ. Мол, пока ничего не доказано, о каких деньгах речь? Дура-

ков нету, чтоб наобум лары раздавать.

Священник повздыхал и дальше не стал увещевать. Так был получен специальный церковный бланк, в котором было указано, где греховодница должна поставить свою подпись.

Вахо подсуетился, тут же звякнул на выходе Магде, слетал к ней и в тот же день вернулся к Шекспиру с желанной закорючкой.

– Вот, все готово. Мне некогда. А ты теперь сходи в Патриархию. Там тебе ударят печать, прочтут разрешительную молитву – и все, приводи вторую жену.

Но Шекспиру резко расхотелось куда-то идти. Он притих – никак не ожидал столь скорой развязки – и молча рассматривал маленькую бумажку с типографским шрифтом.

И снова погрузился в сонно-болотное житие. Работы не было по-прежнему. Соседи звали редко. Внутри же что-то ныло и грызло его по-прежнему. Бумага ничего не изменила. Опять терзал его навязчивый вопрос: почему так всё глупо распалось?

И он по новой решил еще раз встретиться с уже не-женой, объяснить ей, какой он добрый и положительный во всех отношениях человек. Опять принялся за эсэмэски: «Я идеальный муж: не пил, не бил, не изменял!» Но все было глухо, как в танке.

Такое повторялось еще не раз за несколько лет, но ничего не менялось.

Жизнь Магды тоже текла примитивно-однообразно.

Днем – беличий круг в возне с сыном и борьба за существование, ночью – невеселые думы. Каждодневную жизнь матери-одиночки чего описывать? И так уж пето-перепето. Ее тоже точила грусть: почему не сложилось? Ведь год прожили, ни разу не поругались. А Шекспир, ведь он добрый и тихий, как котенок. У других вон пьяницы, наркуши либо драчуны. А тут...

Звонки Шекспира и эсэмэски с пророчествами кар небесных ей и сыну бесили ее до ужаса и выматывали последние нервы.

Как-то после очередной СМС-атаки Магду осенила гениальная идея: Шекспира надо срочно женить. Может, хоть на кого-то переключится и перестанет выносить мозг своими упреками в тему и не в тему.

И она тут же настрочила в женской группе на фейсбуке пост-рекламу:

«Девочки! Кому жениха – моего бывшего мужа? Слегка за сорок, золотые руки, с жилплощадью в центре и по горло верующий. Контакты в личку!»

Женское сообщество тут же взорвалось фейерверком комментариев:

«А сколько комнат?»

«Чего себе такого золотого не оставила?»

«Уточните слабые стороны клиента. Знаем мы этих бывших. Своего не знаю кому приткнуть».

«Эй, Магда? У тебя он кто – неадекват? Давай махнемся

на моего маньяка».

Магда честно описала причину развода, и ее тут же погребла под собой новая волна эмоций:

«А ребенок точно от него?»

«Темное дело. Вы убегающая, а он догоняющий. Да тут, девочки, явно клиника.»

«В патруль звони, если сильно грузит».

«Симку смени!»

«Симка не поможет. Ясно, что у мужика зацик, он тут же новую выяснит».

«Срочно заведи любовника, пусть набьет ему морду».

Тут выплыл совершенно неожиданный коммент от Вики Сمارт:

«Похоже, вы венчались, так?»

«Да, – подтвердила Магда, – но я бумагу подписывала».

«Бумага – это для нас, – выплывали новые строчки от Вики, – это не серьезно. Я артерапевт и немного разбираюсь в таких вещах. Перед Богом вы все равно пара, хоть три бумаги подпишите. Венчание – это вам не загсовская роспись. Вот вы оба и мучаетесь. Друг от друга все равно никуда не денетесь. Бывших не бывает, вы уж мне поверьте. Девочки, отбой, к нему не лезьте, напрасный труд».

В ленте тут же замелькали новые реплики от новых участниц:

«Поясните, плиз, у меня та же проблема».

«И я подписывала».

«Я венчалась второй раз».

«Научите, где же выход».

«Какое отношение вы имеете к церкви?»»

Вика писала страждущим пояснения:

«К церкви никакого отношения не имею. Даже не хожу. В данной ситуации Магда – жертва в реале, но ее муж считает себя пострадавшей стороной по принципу перевертыша и хочет навести справедливость. Налицо явная подсознательная зависимость. Это тупик. Тут никакая другая женщина не поможет. Я сама оказалась третьей в подобной ситуации. Был кошмар. Венчание намного серьезней, чем мы думаем. Теперь вам надо вымалывать у Бога покой своим душам. Вы оба попали в капкан. Нельзя вступать в брак для решения каких-то своих проблем. Надо просить друг у друга прощения и смиряться. Поверьте, я не люблю пафоса и не читаю никому мораль. Не мой стиль...»

Магда сидела за монитором и думала: неужели они так и будут ходить по замкнутому кругу своих венчальных колец? В этот момент ее ухо уловило обрывок монолога.

– ...Без любви женщина не должна ни выходить замуж, ни становиться матерью.

По телевизору выступала какая-то пожилая актриса. Видимо, она уже давно рассказывала что-то о своей жизни, а теперь развивала свою мысль дальше.

– Брак называется так потому, что это союз двух грешных неполноценных людей, пытающихся спасти друг друга для

вечности. Совместное стяжание добродетелей, помощь друг другу в преодолении страстей, немощей, скорбей и невзгод жизни. Без этого это не брак, а узаконенная кооперация. Жаль, что люди это понимают очень поздно...

Магда внутренне психовала. Не крикнешь же монитору и всему окружающему миру, что он, Шекспир, во всем виноват, только он... Ведь она, Магда, хотела так мало. Просто честной, добродетельной, достойной семейной жизни. И все ее мечты разбились о глупый быт и обывательщину.

Наверное, Магда была во многом права. Не понимала она только одного: Бог хотел научить ее любви, а не сытой жизни.

Тяжелый человек

История первая, рассказанная Гаяне ее знакомой Мери и понятая ею по-своему

Гаяне, несмотря на свои семьдесят семь лет и долгую, полную проблем жизнь, была оптимисткой и умела радоваться мелочам. Вот и сейчас она, приспособив большую правую ногу на стул, с надеждой листала акафист иконе Матери Божией «Прибавление ума» и улыбалась своим мыслям. Эту книжечку ей с большим трудом достала ее бывшая сотрудница Таня, уже давно ходившая в церковь Александра Невского и знавшая половину прихода. С Таней они еще при коммунистах работали в одном из тбилисских СКБ, а теперь время от времени перезванивались и обсуждали политические и церковные новости. Странно, но факт: многие их сотрудники, выйдя на пенсию или оказавшись без работы, зачастили в церковь.

Долгожданная книжечка, по идее, должна была коренным образом изменить жизнь дочери Гаяне Додо, а значит, и ее собственную, если уж не жизнь, то оставшуюся старость.

Додо – сорокалетняя безработная неудачница, по материнским понятиям, – уже давно и бесповоротно нуждалась в прибавлении ума. Все остальное – интеллект, красота, тру-

долюбие, доброе сердце – у нее и так было в наличии.

Гаяне перебралась с палкой поближе к святому углу, в котором висели иконы русского и армянского письма, устроилась поудобней в кресле-качалке и приступила к чтению акафиста. Она, конечно, знала, что акафисты читаются стоя, но успокаивала себя словами одного оптинского старца, считающего, что Богу нужно ваше сердце, а не ноги.

Добросовестно, с трудом разбирая церковнославянские обороты, прочла первый икос и задумалась: «Ох, Додо, Додо, что ты со мной делаешь? У всех дети как дети. Одна ты у меня непутевая. Вечно какие-то приключения на свою голову находишь. А все оттого, что нецерковный человек и, следовательно, настоящей веры не имеет. Отсюда и неустроенная жизнь, и грехи. Вон не успела вчера пачку сигарет купить, а она уже пустая на столе валяется. У-у, неряха неисправимая».

Сколько с ней Гаяне воевала: дескать, ты, Додо, Святого Духа отгоняешь, а значит, и проблемы наши никогда не кончатся. Вся жизнь шиворот-навыворот пойдет. Э-э, все напрасно. Гаяне – это глас вопиющего в пустыне. Додо и слышать не хочет материнские советы. И со здоровьем без конца проблемы. Дочь посты держать не хочет, вот и разваливается в свои сорок лет. Она не то что Гаяне, которая в своем возрасте и на базар ходит, и дома суетится. Если бы не нога, порхала бы как птичка.

Тогда, в голодные девяностые годы, Додо, сразу же после

того, как ее сократили в институте, пошла работать в будку – торговать продуктовым ширпотребом. Ставка известная: сутки – пять лар. Другие продавщицы ухитрялись еще и лишнее наваривать, а Додо по своей глупости оказывалась в вечном долгу у хозяина. Придет, бывало, домой и скажет, поглядывая в сторону:

– Мам, у меня только три лара. Пришли ко мне две старушки. Хлеб, говорят, купить не можем. Пенсию два месяца не давали. Я и дала...

Гаяне только за голову хваталась. Что тут скажешь? Правду говорят: в двадцать лет ума нет и не будет.

Бабок ей и самой жалко, и милостыня – святое дело, но надо же и меру знать. Гаяне терпела-терпела, потом не выдержала:

– Бросай, Додо, эту будку. Толку нет, один убыток...

Нет, не послушала ее эта упрямица. Досиделась, пока хозяин ее с работы не выгнал, да еще и в воровстве обвинил – ославил на весь район. Э-э, что тут говорить! Не повезло ей с дочерью – факт.

...Или хоть ее замужество взять. Другие замуж выходят, чтоб свое положение улучшить. А Додо вышла – в какое-то беспросветное ярмо впряглась. Муж ее, Анзор, как в той рекламе про растворимый кофе «три в одном», – бездельник, выпивоха, да еще и обманщик. Додо только и успевала его долги выплачивать. А потом Анзор совершил аварию и в тюрьму попал. Гаяне уж на что терпеливая и дипломат при-

рожденный, а тут окончательно из себя вышла.

– Разведись с ним, Додо, – стала она требовать, – не мучай себя!

А эта ненормальная только свое твердит и плачет:

– Мама, мама, ты же верующая! Как можно топить человека, когда ему и так плохо?! Что там Иисус Христос говорил о тех, кто в тюрьме сидит?..

Словом, довела она тогда Гаяне до сердечного приступа своим упрямством. Сама-то как нехристь, в церковь не ходит, а туда же – цитировать Евангелие пытается.

Гаяне часто-часто задышала от старой обиды, потом, убеждая себя, что гнев – последнее дело, снова с трудом углубилась в чтение акафиста. Главное, сосредоточиться и возносить свою молитву после каждого икоса: «Вразуми, Господи, заблудшую Додо и даруй ей ум».

На какое-то время душевное спокойствие было установлено. Но различные помыслы снова унесли Гаяне далеко от читаемого.

Как все-таки странно получается. Додо и трудолюбивая, и талантливая. Не учась нигде, сама выучилась рисовать, уколы делать, по-английски разговаривает так, будто Оксфорд закончила. А толку с гулькин нос. Зато от соседей отбоя нет. У одной контрольная на носу, у другой три раза в день курс уколов назначен, третья рубашку принесла разукрасить и вышить. И для всех Додо незаменимая, а Гаяне при ней в роли швейцара: целый день у дверей крутится, одних встреча-

ет, других провожает. Это ли спокойная старость? Нет, надо молиться.

Гаяне снова углубилась в акафист и с превеликим трудом добралась до седьмого икоса. И тут зазвонил телефон. Пришлось отложить книгу и потащиться на настырный трезвон. Опять, небось, ее дочка кому-то понадобилась.

Так и было. Голос в трубке был незнакомый.

– ...Мне сказали, что Додо может бесплатно позаниматься по английскому. Мне очень нужно. Я троюродная сестра вашей соседки Эки с девятого этажа.

Гаяне собрала в кулак все свое человеколюбие и выдавила

из себя дежурную фразу:

– Оставьте ваш телефон. Додо вам сама перезвонит.

С отвращением записала номер.

Нет, этот поток людей никогда не кончится! А все потому, что дочка не умеет себя ценить. Посадила всех себе на шею. Людей, видите ли, ей жалко. Вылитый покойник-отец. Поэтому они и при коммунистах-то жили от зарплаты до зарплаты, а теперь, при капитализме, если бы не помощь брата Гаяне из Еревана, давно бы с голода умерли.

На что крепкий человек Вардан, но и тот уже изнемогает. Потому что Додо из-за своей идиотской жалости процентные долги наделала. Пришла к ней как-то подруга Тамта и давай ныть:

– Моего мужа в деньгах кинули. Что делать, у кого одолжить? Додо, генацвале, помоги, найди человека...

Додо, недолго думая, помчалась и взяла под свою ответственность семьсот долларов под десять процентов. А эта подруга деньги хватать – и до свиданья. А Додо крайней оказалась, как всегда, не может семьдесят долларов каждый месяц отдавать. Вардан ради сестры Гаяне отдувается – долг выплачивает. Узнали об этом ереванские родственники – подняли крик. Стыдно вспомнить. Вот уж правда постоянная головная боль.

Гаяне заохала и пошла дочитывать «Прибавление ума». Без надежды и жизнь не жизнь. Может, что-то изменится.

Недавно, в довершение ко всему, Додо новую глупость за-

думала. Приходит как-то вся сияющая (сердце Гаяне сразу екнуло – ох, что-то не то!) и говорит:

– Мама, давай я котенка возьму.

Гаяне так и села, где стояла. Вот не было печали! А Додо свою идею дальше развивает:

– Мама, мамочка, ты же знаешь, как я люблю животных. И так у меня в жизни ничего нет, я все время болею, а котенок – это источник постоянной радости.

Гаяне воздела руки к тусклой пластмассовой люстре:

– Вай ме, вай ме! Бог, когда хочет наказать, ум отнимает. А у тебя, Додо, ума с детства не было. Еще в детском саду свои куклы направо-налево раздаривала. Ты сама себя содержать не можешь! Мы без долгов в магазине одного месяца не можем прожить, а ты еще о каком-то котенке говоришь?!

Додо и слышать ничего не хочет, не унимается:

– Мама, ты же верующая! Все святые животных любили...

Гаяне покачала головой, отгоняя навязчивые воспоминания, и снова мужественно взялась за акафист.

В дверь позвонили.

Гаяне с трудом поднялась с качалки и заковыляла в коридор. На пороге стояла радостная раскрасневшаяся Додо, а за ней какая-то разбитная девица неопределенного возраста и две девочки семи-восьми лет.

– Мама, мамочка, им ночевать негде. Их с квартиры выгнали. Они у нас пока поживут... – И запнулась, глядя на вытянувшееся страдальческое лицо матери. – Немного. Не

на улице же им быть!

Гаяне всплеснула руками и с огорчением возвела карие глаза с многовековой армянской грустью к иконе Спасителя:

– Ах, Аствац⁸, за что мне это? Прошу, прошу – не слышишь Ты меня...

История вторая, рассказанная Дездемоной, женой племянника Гаяне Парура, своей троюродной сестре по приезду в Тбилиси

– ...Где я сегодня была, Мери-джан, ты не поверишь! Как я тебе рассказывала раньше, бедная Гаяне живет как в аду с этой блаженной Додо. Всю жизнь из одного приключения в другое попадают. В долгах как в шелках. Мой свекор им деньги посылает, а они их тут же на всяких бомжей спускают. Года два назад Додо какую-то аферистку с двумя детьми в дом притащила. Насилу потом Гаяне эту гоп-компанию вытурила. Из-за них опять в процентные долги попали. Гаяне даже священника из Сурб Геворга⁹ привела над головой Додо Евангелие читать. Надеялась, что немного мозги на место встанут. Тот, бедный, битый час читал, читал... Аж вспотел весь, Гаяне говорила. И все без толку.

⁸ *Господи (арм.).*

⁹ *Армянская церковь Сурб Геворга (святого Георгия) в Тбилиси.*

А Додо новое дело затеяла. Решила компьютер завести. Ну, мы все подумали: Бог слегка в нашу сторону посмотрел. Будет, мол, Додо хоть какие-то копейки, не отходя от кассы, делать. Мозги-то у нее хорошие. Шить, вязать, рисовать – рядом с Рембрандтом посадить не стыдно будет.

Свекор мой в итоге ей эту бандуру со всеми причиндалами купил... На свою голову, как говорится.

Поначалу все хорошо шло. Додо только что хакером не стала. Весь интернет перекопала, фотошоп сама освоила. Стала клипы создавать. Но на все свой бахт¹⁰ нужен в этой жизни... Додо выудила какого-то певца из Венесуэлы. По скайпу с ним всю ночь болтает, а днем его визгливые песни слушает и плачет. Певец этот – ее копия – тоже весь в долгах. Додо, естественно, давай ему деньги посылать. Снова процентные долги на себя повесила. И туда же еще – клятвенно обещает:

– Я дом продам, половину тебе пошлю. Ты только пой!

Влюбилась, одним словом. А денежки-то тикают. Восемьдесят долларов каждый месяц чужому дяде отдай. Что ты будешь делать? Гаянэ, бедная, плачет, убивается, мой свекор за голову держится, пол-Еревана пальцем у виска крутит.

В общем, послал меня свекор, как ангела мира, в Тбилиси, как-нибудь на Додо подействовать. Пока ее мать совсем от нервов с ума не сошла.

Так вот, Гаяне разузнала адрес одной гадалки и просит

¹⁰ Деньги, достаток (тур.).

меня потихоньку от Додо:

– Дезик-джан, поехали со мной вместе. Ты мне поддержку будешь давать.

Ну, мы, значит, поехали. Едем-едем, конца-края не видно. Трясемся в каком-то автобусе, ухабы считаем. Уже Рустави проехали. Видно, такая глухомань, что у Саакашвили до ремонта руки не дошли. Вокруг, смотрю, одни азербайджанцы сидят, мешки с картошкой в проходе валяются, и чьи-то вонючие овцы мне в затылок дышат. Я туда-сюда оглядываюсь, за прическу переживаю.

– Долго еще? – спрашиваю.

– Совсем чуть-чуть, – отвечает Гаяне, а сама по сторонам озирается.

Это «чуть-чуть» еще час продлилось.

Наконец приехали в какую-то азербайджанскую деревню. Нашли дом той гадалки. Причем туда надо босиком заходить, по мусульманскому обычаю. В прихожей очередь, и все, как один, с сумками сидят. Тут я заметила, что Гаянэ тоже с собой какую-то котомку тащит. Попыталась я ей помочь – еще та тяжесть оказалась.

– Что там, – говорю, – уважаемая тетя?

– Замок, – отвечает, – самый большой выбрала. Любовь закрывать. И килограмм соли. Без этого никак нельзя. Тут все с этим пришли. Кто порчу наводит, кто – снимает.

И показала мне двухкилограммовый замочище.

Зашли мы внутрь. За столом посередине комнаты сидит

татарка в платке, пледом перевязанная. В ушах золотые серьги с грецкий орех. Такие бабы на базаре киндзу-петрушку продают.

Посмотрела гадалка на Гаяне с замком и давай строчить, как по писанному:

– Дочка у тебя незамужняя. Очень умная, а барака¹¹ нет. Какой-то мужчина ей голову морочит. Она для него деньги наодалживала...

И, представь себе, точную сумму назвала.

У Гаянэ глаза на лоб полезли от такой аптечной точности. А татарка ножом кухонным над замком поводила и продолжает:

– Но никакого джадо на ней нету. Она просто так это делает. Но я вам помогу – разлюбит она этого человека. – Потом резко так на меня посмотрела и говорит:

– У тебя двое детей, и ты с чужим мужем живешь. Имя на «А» начинается. Глаза у него такие, взад-вперед бегают. Как будто сказать хочет: «Я вру, я вру!» Всё на аферы свои надеется.

Я стала красного цвета, как мой маникюр. Это ведь она моего бойфренда описала. Аркадик зовут. А тут Гаяне сидит, глазами хлопает. Вай, вай, думаю, куда я попала, где мои вещи? Завтра весь Ереван меня обсуждать будет.

Короче, вышли мы из комнаты, бросили пять лар в коробку около двери. Цены за гаданье конкретной нет. Кидай в

¹¹ *Счастье (арм.).*

коробку, сколько хочешь. Гаяне от радости, что Додо от своего певца отцепится, свои коши в коридоре забыла.

– Тетя, – говорю, – вы совсем босиком идете.

Пришлось возвращаться.

Гаяне идет, как по воздуху плывет от эмоций. Потом вдруг остановилась и спрашивает с удивлением:

– Дезик-джан, я не поняла. Она тебе про какого мужа говорила?

– Ай, – говорю, – тетя, как про какого? Про племянника вашего, Парура. Что с татарки взять? Она русский язык плохо знает.

Еле выпуталась. Э-э, Мери-джан, вот что значит Додо – тяжелый человек. Когда ее делами занимаешься, ее аура на тебя переходит и всякие приключения на ровном месте создает. Я так думаю...

Много в жизни несправедливости

Один старец ушел в отшельники и на протяжении десяти лет молил Бога об одном: хотел узнать, почему на Земле одни рождаются и становятся богатыми, а другие – бедными. И почему в мире творится так много несправедливости?

И вот Бог смилостивился и послал к нему Ангела. Ангел сказал:

«Я не буду ничего объяснять. Для начала просто закрой глаза». Старец закрыл глаза и, когда открыл их, очутился на дереве в дупле. Ангел продолжил: «Здесь ты пробудешь три дня. Наблюдай за происходящим». И стал отшельник наблюдать.

На первый день мимо проскакал всадник на вороном коне. Около дерева от седла случайно отвязался мешок и шлепнулся на землю. На второй день подошел к дереву крестьянин, развернул скатерть, уставил ее едой и начал было есть, но вдруг заметил мешок. Он увидел, что в мешке золото, ужасно обрадовался и побежал с мешком дальше, оставив обед под деревом. На третий день проходил бедный странник, увидел еду и набросился на нее с жадностью. Не успел он окончить трапезу, как вернулся всадник на вороном коне и стал требовать назад свои деньги. Принялся его мучить, а потом убил, поняв, что это бесполезно.

И тут отшельник не выдержал и закричал

в гневе: «Ты же обещал мне дать ответы на мои вопросы, но я увидел еще одну сцену несправедливости!»

«Подожди, – ответил ему Ангел. – Я сейчас тебе растолкую смысл увиденного. Всадник – это богач. Он объезжал свои владенья и собирал подати. У него еще полно таких же мешков, какой он потерял. Просто жадность не давала ему остановиться. Других ценностей, кроме золота, у него нет. Крестьянин разорился и заложил свое имущество. Вчера был последний день возврата денег, и, если бы он не нашел этот мешок, он бы остался без всего и попал бы в тюрьму. Но он откупился найденным золотом и спас себя и семью. А бедный странник в молодости в пьяной драке убил человека. После этого он мучился всю свою жизнь, раздал имущество и молил Бога о мученической смерти, дабы искупить свой грех. Вчера его желание исполнилось. Всадника же, убившего его, теперь будут преследовать кошмары. Он раскается и начнет помогать бедным...»

Из притчи

*** * ***

Грустные мысли крутились в голове у Кетеван этим тусклым серым утром. Раздражал весь комплекс подарков судьбы: очередной загул мужа, затянувшаяся полоса безденежья, бесконечные капризы детей.

Почему ее родители так рано ушли, оставив Кети один на один с этим ворохом проблем? И вдобавок нет ни одного родного человека рядом. Какой-нибудь заваливающейся двоюродной тети и той не наблюдается. Хоть бы с детьми иногда посидела – и то был бы просвет. На Бесо ведь не то что дтей – двух индюшек оставить нельзя: сдохнут через час. Сам до сих пор как большой ребенок, только постоянные «хочу» им и движут.

При ее отце это все как-то сглаживалось. Точнее, папа-юрист покрывал деньгами все шероховатости семейной лодки.

А теперь ни папы, ни мамы, ни стабильного денежного ручейка. Зато Бесо раскрывается бутонем недостатков, да в такой цветовой гамме, что в глазах рябит.

Сколько таких хороших людей, как Кети, по всей земле бессмысленно мучаются – это ж страшно представить. И куда только смотрит Господь Бог!

Ход претензий к Создателю прервал звонок.

– Кто там? – осторожно через дверь спросила Кети. Не открывать же всем подряд в такое беспокойное время. По ту сторону замка ответили с запинкой:

– Откройте, пожалуйста, я к вам из собеса.

Кети припала к глазку: какая-то незнакомая пожилая женщина. «На нищенку явно не тянет», – подумала Кети.

– Вы не бойтесь, – заторопилась с объяснениями гостья. – У меня к вам одно дело... деликатное.

Кети слегка приоткрыла дверь.

– Вы Кетеван Деметрашвили? – уточнила странноватая визитерша и добавила просительным тоном: – Возьмите меня к себе в бабушки.

– К-куда взять? – не поняла Кети, мучаясь от дежавю. Вспомнился ей Калягин в женском парике: «Здравствуйте, я ваша тетья из Бразилии!»

– В бабушки, – занервничала от непонимания незваная гостья. И поспешила внести документальную ясность: – Меня зовут Тасико Гвенцадзе. У меня дом свой, корова, хозяйство в Цхнети. Вы плохого не подумайте. У вас ведь двое детей. Я за ними присмотрю. Все свое потом вам оставлю.

Кети молча хлопала глазами, не зная, смеяться или злиться.

Тасико, пользуясь ее замешательством, торопливо перечисляла все плюсы их будущего совместного жития:

– Мне вашего ничего не надо. Я одинокая. Дома могу все делать. Вы можете обо мне у моих соседей узнать. Все скажут, что я не аферистка. – И тут же достала из кармана пирадоба¹². – Вот мой адрес. Вот телефон, – и пихнула ей в руку бумажку с заранее написанным номером. – Только не отказывайте мне, как дочь вас прошу. – В голосе ее слышались слезы.

Кети зажала бумагу в кулак.

– Хорошо-хорошо, не беспокойтесь. Я вам позвоню. Надо

¹² Удостоверение личности.

с мужем поговорить. – И поскорее захлопнула дверь.

Вечером Кети рассказала все Бесо, который как нельзя кстати был в относительно адекватном состоянии. Он тоже сперва не понял, в чем смысл столь необычного предложения, глубокомысленно повертел так и этак бумажку с номером, даже на свет зачем-то посмотрел. Потом изрек:

– А что? Это вариант неплохой. Корова, говоришь, есть? Деревенское мацони – это вещь. Завтра я съезжу в Цхнети, на дом посмотрю, туда-сюда. И вообще проверю, кто чем дышит. Ты же знаешь, – он постучал себя по лбу с залысинами, – мозг! – Кети успешно подавила усмешку. – А то вдруг

получим от мертвого осла уши, а не бабушку с мацони...

Так в семье Кети утвердилась Тасико. Она взвалила на себя все хозяйственные заботы почище любой домработницы и скоро стала совершенно незаменима. Молоко, сыр и яички, доставленные из ее хозяйства, очень живописно вписались в интерьер полупустого холодильника.

Кети на первых порах напряженно приглядывалась к дармовой помощнице, перепрытав от греха подальше уцелевшие от запоев Бесо несколько колец – весь золотой запас семьи. Она никак не могла понять, зачем Тасико эта добровольная женская каторга? Причем на конкретный вопрос сама «рабыня Изаура» отвечала что-то совершенно несовременное:

– Устала от одиночества. К тебе, Кети, просто сердце потянулось. Вот и все.

Это было особенно странно слышать: в наше-то волчье время – и вдруг такой подозрительный альтруизм.

Потом Кети перестала ломать себе голову и зажила дальше. Нашла работу и стала без волнений оставлять детей на совершенно постороннего человека.

Так прошло несколько лет. Однажды вечером Тасико стало плохо с сердцем. Кети бросилась к ней, оседающей на полу у раковины.

– Эй, кто-нибудь, быстро звоните в «скорую»!

Но через пять минут стало ясно, что «скорая» уже не поможет.

Кети дрожащей рукой закрыла Тасико глаза.

На другой день они с Бесо поехали подготовить дом Тасико к похоронам. Требовалось сделать уборку и переставить мебель. Среди вещей попала на глаза потрепанная тетрадь советского образца. Кети раскрыла ее, пробежала глазами по неровным выцветшим строчкам и уже не смогла оторваться.

«...Господи, как мне жить теперь? За что?!!!! Почему это должно было случиться именно со мной?!»

Кети перевернула еще несколько листов, и картина прояснилась. Шестнадцатилетнюю Тасико соблазнил один студент, который приехал в гости к соседям. Провел романтично время и отбыл преспокойно в город, увозя с собой приятные впечатления. О том, что Тасико беременная, он даже не узнал. Сама будущая мать осознала шокирующую новость, когда уже невозможно было что-либо изменить.

«...Мне страшно подумать, что сделает отец, когда все узнает. Господи, сделай так, чтоб я не проснулась завтра утром. Так будет легче для всех. Что тебе стоит, Господи?»

Отец-таки узнал. Чтобы скрыть позор от соседей, запер дочь до родов дома, а для общего сведения объявил:

– Тасико сошла с ума, на людей кидается. Поэтому держим взаперти.

Когда родилась девочка, старший брат Тасико тут же вывез ее в город и сдал в детдом.

Тасико еще долго не выпускали на улицу, чтобы люди привыкли к факту ее «болезни». Отец все продумал. Даже если

бы Тасико стала разыскивать ребенка, все вопросы можно было списать на бредовую идею.

«Где же она, моя доченька?! Только и успела на нее полчаса посмотреть. Все искала приметы, как бы ее от других отличить. Так нет, тельце чистое, беленькое. Одна крошечная родинка между средним и указательным пальцами. Как мне ее найти в этом людском море? В чьи руки попадет моя девочка? Дай Бог, чтобы в хорошие! А если нет? Тут свои родные со мной что сделали... Зачем столько злых людей на свете???»

Еще шелест страниц, и мелькнули даты смерти родителей.

«Я ждала смерти больного отца как избавления. Пока смотрела за ним, вся злость ушла куда-то и осталась только огромная усталость. Умирая, он сказал: «Прости меня. Я тебе жизнь поломал». Господи, найду ли я когда-нибудь свою девочку? Хоть бы отдать ей ту часть любви, которая во мне, и умереть на ее руках!»

Еще несколько листов и скудные строки:

«Сегодня моего брата зарезали в драке. Была у меня слабая надежда, что он скажет, в какой детдом отвез мою кровиночку. Но этого я уже никогда не узнаю...»

Потом шел подробный перечень детдомов, которые напрасно обошла Тасико, так и не найдя никаких следов.

Затем подчеркнутые строки и восклицательные знаки.

«Слава Тебе, Господи! Это точно она! Я сидела в автобусе, а моя девочка взялась правой рукой за поручень прямо

перед моими глазами. У нее родинка между пальцами!!! Я пошла за ней, трясясь от страха, что она заметит меня! Оказывается, все эти годы мы жили почти рядом. Она в Багеби, а я в Цхнети...»

На могиле у Тасико стоит камень с надписью:

«Маме от дочери. Лучше поздно, чем никогда!»

Семейное насилие

– Вот говорят – семейное насилие. Верно говорят. Это самое насилие я постоянно терплю, – рассказывает Элисо. – Вообще же о нас прямо сериал можно снимать. Ну, начну от Ноева ковчега... Шестнадцать лет я замужем, и каждый день – как на линии фронта! Когда Заур меня привел, сразу было видно, что характер у него тяжелейший. На панихидах к своим родственникам начинал приглядываться: «Почему ты на него посмотрела? А этот зачем так нехорошо тебе улыбнулся?» На пустом месте криминал выищет – и все, вечер гарантированно испорчен!

Заур был такой же, как многие парни его возраста: курил травку, не работал. Так мы прожили несколько лет. Я родила Дато. Работала в одной фирме, имела хорошую зарплату. Заводить других детей мы не собирались. Я сначала думала: вот ребенок родится, и муж изменится. Какой там, еще хуже стало! С нами произошло, как в той поговорке: «Не было бы счастья, да несчастье помогло». Дато серьезно заболел. Пробовали лечить, но безрезультатно. Мой муж смотрел на это, смотрел, а потом сгоряча дал обет: если сын поправится, бросит не только травку, но и курево. Он считал, что это за его грехи ребенок отдувается.

Странно, но факт: у Дато относительно скоро все налади-

лось. Зауру пришлось идти в церковь и выяснять у мамао¹³, как выполнить свое обещание. Тем более что на свои силы он не очень-то надеялся. Бросить курить не у всех получается.

Священник отнесся к нему с пониманием. Причастил его, и с того дня как отрезало. Заур до сих пор не курит. Я сама была поражена не меньше мужа. После этого Заур зачастил в церковь. Потом меня и своего младшего брата потащил.

Фирма моя закрылась, а искать другую работу муж мне не позволил, хотя у меня были неплохие варианты. Я ж говорю, что ревность его по сей день душит. Пошли скандал за скандалом. Посуды мы перебили – не счесть. Я даже собрала чемодан, схватила Дато в охапку и ушла к своему дяде. Заур помчался за нами. В дверь ломится – попробуй не открой! «Э-э, – думаю, – еще перережут друг друга, что я потом делать буду?» Пришлось вернуться.

Потом у нас как-то все стало меняться. Можно сказать, все это началось с того, что однажды мы поехали не в ту сторону. Дело было так. Едем мы как-то по делам. Видим – на противоположной стороне стоит матушка.

– Давай, – говорит Заур, – круг дадим и подвезем ее, куда скажет.

– Почему бы нет, – отвечаю.

Так и сделали. Притормозил он около нее и дверь открыл:

– Садитесь, матушка. Куда вам?

Настоятельница (мы по кресту на груди поняли) села и на-

¹³ Священника (груз.).

звала место. И хотя для нас это был большой крюк, Заур стал ее бойко уверять, что нам именно туда и надо. Матушка, кажется, нас раскусила, но не стала заниматься разоблачениями. Пока ехали, разговорились на разные темы, обменялись телефонами. Короче говоря, когда доехали до ее монастыря, было впечатление, что знаем друг друга сто лет. Потом эта матушка стала для нашей семьи кем-то вроде Ангела Хранителя. После той встречи на дороге у Заура получилось то, о чем он давно мечтал: дела с работой улучшились, и он начал понемногу жертвовать на монастыри. Стал ездить по святым местам и, конечно, таскать нас за собой.

Потом родились у нас подряд четверо младших. Приключений хватало с лихвой. Но чуть что – мы обращались за помощью к матушке, и все оборачивалось наилучшим образом. Вот хотя бы тот случай взять, когда я последнюю, Саломе, рожала. Что-то пошло не так. Чувствую, мне все хуже и хуже. Ползаю за врачом и умоляю его так, как ребенок конфету клянчит, давление мне измерить. А ему плевать, только отмахивается: «У вас все хорошо». Деньги свои уже взял, остальное ему по барабану.

Заур красный, взъерошенный под окном роддома бегают и кулаком оттуда грозит: «Не дай Бог с моей женой что-нибудь случится, я с тобой потом разберусь!» А я уже приготовилась умирать. Представила себе душераздирающую картину, что будет в этом мире без меня: мой муж сопьется, а дети станут босяками. Сижусь и плачу из-за своей впечатлительности.

Тут дверь открывается и заходит матушка (догадался Заур самую умную вещь сделать – ей позвонить). Села она рядом со мной и говорит: «Тебе никакая операция не понадобится, все будет хорошо». И правда, все потом ее молитвами обошлось.

Таких историй у нас было вагон и маленькая тележка. То проблемы с домом, то осложнения у детей – всего не упомнишь. Но стоило позвонить ей и попросить помолиться, как все тут же налаживалось.

А так на нас даже самые близкие люди смотрят как на ненормальную, безответственную парочку. Для всех неразрешимый ребус: зачем надо было заводить кучу детей в нестабильной стране?

Тем более, зная, какой тяжелый и бескомпромиссный характер у Заура, не понимают, как я с ним до сих пор не развелась.

Взять хотя бы вопрос одежды. Когда я была беременной вторым, Торнике, понадобилось мне куда-то съездить по одному важному делу. Заур, что называется, рогами уперся: – Я тебя никуда в джинсах не повезу! Или – или.

Пока я спорила и доказывала, что прилично, а что нет, он молча завел машину и уехал. С тех пор пришлось мне на брюках поставить крест.

Или взять, к примеру, воскресный поход в церковь. Как бы я ни ныла, что устала и мне лень вставать на час раньше, он и слышать ничего не хочет: воскресную службу пропус-

кать нельзя.

И я через «не могу» начинаю собираться. Ему-то что, стоит себе в церкви весь в молитвенном настрое, ну максимум возьмет на руки самую младшую, а остальные меня поминутно дергают: то им одно надо, то другое.

Или вот еще причина для споров. У Заура с работой то пусто, то густо. Он может, например, кому-то деньги пожертвовать, не думая о завтрашнем дне. Я с ним ругаюсь:

– Так нельзя, у тебя пятеро детей! Надо все рассчитывать.

То ли он на Бога надеется, то ли живет эмоциями – не поймешь. Не любитель разговаривать. Пожаловалась я как-

то матушке на Заура: рычит он на меня постоянно, все время меня контролирует и мораль читает. И вообще, я никакой любви от него не чувствую.

А она только отмахнулась, сказав что-то в таком роде: слова, мол, ветер, если б ты знала, в какую горячую калашу я сажаю своих послушниц, чтобы они были еще лучше! Так что делай свое дело и не забивай голову ерундой.

Вот что значит духовный человек. А то ходит тут моя подруга, эмоции разбрызгивает:

– Как можно так жить, он тобой как хочет, так и крутит! Ты и так с этими детьми, как солдат сил быстрого развертывания, на себя в зеркало лишний раз посмотреть не успеваешь. А твой феодал еще мораль читает: «Утренние молитвы читала или нет?»

Это она как-то наш разговор застала, не так поняла, вот и клеймит теперь Заура «православным тираном» и всяким таким. Хорошо, что она все остальные его выходки не видела.

Я ей пыталась объяснить:

– Ты хочешь – верь, хочешь – нет: если я завожусь и утреннее правило не прочту, у меня весь день наперекосяк идет.

Но она свое твердит:

– Надо звонить в «горячую линию» по насилию в семье. Не семнадцатый век! Нельзя мужиков на голову сажать!

Вот и делись после этого с подружкой. Ей я стараюсь говорить, что у нас все прекрасно. Как-то мне тошно от ее со-

чувствия. Тут и так столько проблем. Главная – нестабильность материальная. Не знаю, что будет завтра. Ведь мы в основном живем на то, что мой дядя из России пришлет. Но и несмотря на это финансирование, живу я в вечном страхе. Попробуй что не по нему сказать, психанет и все крушить начинает. На днях два окна разбил. Мне тоже иногда достается под горячую руку. Ходила я к мамао жаловаться. Ну, поговорил он с ним, прочистил мозги. Заур неделю ходил, мне в глаза заглядывал. Потом опять двадцать пять. Не могу же я каждый раз к мамао бегать жаловаться. С одной стороны, нам явно Бог помогает, а с другой – очень тяжело. И так жить не могу, и разводиться не хочу. Не представляю своей жизни без Заура. Наверно, смешно звучит, но он для меня гарант спокойствия. Я часто одна с мальчишками справиться не могу, когда его дома нет. А ему стоит лишь рыкнуть, и все становится на свои места.

Все твержу себе, что это у меня крест такой. Но уже и нервы не выдерживают...

Наперекор стереотипам

– Мы ушли! – крикнул из прихожей свекор, и, как подтверждение, последовал щелчок замка.

Нана только покачала головой, выражая непонимание и удивление одновременно. Нодари-бидзия и Гулико-дейда, как Нана называла родителей своего покойного мужа, на старости лет, кажется, дружно тронулись умом. Последний месяц они зачастили в какие-то странные «гости», хотя до того мирно кряхтели дома и дальше ближайших магазинов никаких вылазок не совершали. А тут визит за визитом, блеск в глазах, нервозность в движениях, какие-то заговорщицкие перешептывания, перемигивания. Ни дать ни взять – теракт готовят с требованием поднятия пенсий.

Все это, конечно, очень неудачное сравнение, но факт оставался фактом: старички что-то затевают.

Нана, в отличие от них, уже давно ничего не хотела и ни в какие авантюры не пускалась. Просто тянула ежедневную лямку трудоголика, разрываясь между работой в детсаду и двумя детьми.

Свекор со свекровью, которых она так и не научилась называть «мама» и «папа», всячески пытались ей помочь. Само собой, души не чаяли в двух внуках. Нодар, в прошлом инженер, ухитрялся находить учеников по математике и корпел вечерами, разбирая тесты для выпускных экзаменов. Гули-

ко тоже вносила свой неоценимый вклад в семейный воз, но немного в другом эквиваленте.

Известие о смерти единственного сына, убитого в поезде при невыясненных обстоятельствах, сильно надломило Гулико. Вначале она изводила себя и других неразрешимым вопросом: «За что, Господи?» Естественно, как-то она обратилась с этой головоломкой к первому попавшемуся священнику. Тот задал только два встречных вопроса.

– Кем вы работали?

– Гинекологом, – с нескрываемой гордостью произнесла Гулико. Она была настоящим профи и дело свое любила без памяти.

– Сколько абортотв сделали? – тут же последовало продолжение.

– Пятсот, – не задумываясь, ответила она и тут же осеклась.

Священник развел руками:

– Что же вы еще хотите после стольких убийств невинных младенцев?

Гулико, бывшая в свое время членом партии и имевшая немало вполне заслуженных регалий, просто онемела. С этой стороны она никогда не рассматривала свои профессиональные действия. Всю ночь она проплакала, переваривая этот шок. На другой день спозаранку она, опираясь на руку Нодара, направилась к тому же священнику за ответом.

– Что же мне делать?

И получила расплывчатый совет: мол, надо каяться, молиться и совершать добрые дела.

Дома супруги стали обсуждать конкретное значение сакральной фразы. Тогда Нодар предложил свой вариант:

– А если открутить этот процесс назад?

– Как назад? – Гулико слегка вынырнула из океана уныния.

– Ты можешь помочь людям в лечении бесплодия. А я лично перекопаю интернет и найду тысячу и один народный метод для этого дела. Причем лечить ты будешь бесплатно.

Гулико ухватилась за эту идею с тройной энергией.

Нодар до рези в глазах исследовал невероятное количество сайтов на своем стареньком компьютере... Гулико приступила к лечению соседей в радиусе нескольких улиц.

Дело явно задумывалось под счастливой звездой. Слава множилась и разрасталась. Гулико удостоилась народного титула «тибетской травницы с грузинским уклоном». Без внимания ее тоже не оставляли, несли кто что мог: начиная от кондитерских изделий и заканчивая десяткой-другой лари. Все воздаяния вливались в семейный бюджет.

Нодари поднапряг свой талант шахматиста и изобрел еще один источник заработка. Предложил уличным торговцам хранить в своем подвале их фруктово-овощную продукцию. Цена – лари за ночь, независимо от количества тары. Сам хозяин переселился ночевать в холодный подвал, чтобы, не дай Бог, чего-нибудь не стибрили соседские мальчишки. Зи-

мой в подвале стоял жуткий холод, но Нодар мужественно охранял вверенную ему собственность, высунув кончик увесистого носа из спального мешка. И, как следствие этих героических действий, получил от соседей титул «Заслуженный полярник Республики Грузия».

Так, в мирных трудах, катилась жизнь титулованной четы на закате дней. Хотя бывали у сладкой парочки и нешуточные кризисы.

Гулико, зная Нодара со школы, иногда взбрыкивала и начинала на пустом месте выискивать следы супружеской неверности. Как-то она даже выгнала мужа из дома, приревновав его к бывшей однокласснице, случайно встреченной на улице.

После возвращения домой Нодар был с позором выставлен за дверь, сопровождаемый визгливым напутствием:

– Не вздумай оставлять здесь свои вставные зубы, Каса-бланка!

К вечеру, остыв, Гулико лично отправилась на поиски изменщика и обрела его в Кировском парке сидящим за нардами. Нодар был водворен в родные пенаты, чему сопутствовало объявление на тональность ниже утреннего:

– Мы должны умереть на одной подушке в один и тот же день!

Вот на основании всех этих психологических нюансов Нана и решила, что у старичков очередное весеннее обострение, и спокойно занялась стиркой.

Свекор и свекровь явились домой чрезвычайно довольные и, видимо, решили, что пора раскрывать карты.

– Завтра к нам в гости придет Омари, – торжественно объявил Нане свекор, нервно протирая очки.

Гулико не менее возбужденно чертила зигзаги на кухне между столом и раковиной, развернув фронт работ, равный разве что новогоднему. В заготовках уже угадывались сациви, пхали с орехами и прочие вкусности.

Долгожданный гость оказался слегка затюканным компьютерщиком в толстенных очках. Сними он их – выглядел бы точно каким-то беззащитным увальнем.

Нана вежливо поддерживала застольную беседу ни о чем, внутренне психуя на пустую трату времени.

После ухода гостя Нодари завел с невесткой совершенно неприличный разговор:

– Как тебе этот Омари? Мне кажется, неплохой парень...

– Обыкновенно. Человек как человек. – Нана не могла понять, чему приписать такое вступление.

– Нам бы с Гулико хотелось, чтобы ты вышла за него замуж! – с места в карьер сказанул неслыханное Нодар.

– Это вы серьезно или шутите? – возмутилась Нана. – Неужели я давала повод...

– Не давала, – перекрыл свекор лишние эмоции. – Я абсолютно серьезно. Со всей ответственностью и в здравом уме тебе это говорю. Я всё проверил, просчитал все комбинации. Омар вполне хорошая партия. Он бездетный. Был два раза

женат, но неудачно. Мечтает о семье и уже готовых детях. Хорошо зарабатывает. Мы с Гулико рано или поздно уйдем. Ни с нашей, ни с твоей стороны нет родственников, которые могли бы тебе реально чем-то помочь. А нам хотелось бы умереть спокойно, зная, что ты и дети в надежных руках. Сейчас очень тяжелое время...

– Но я даже не думала...

– А ты подумай, пообщайся, – упорно гнул свое свекор, слегка нагнув совершенно седую голову.

– Это невозможно. – У Наны не было сил для спора, для того, чтобы выразить всю абсурдность ситуации...

Тем не менее через три месяца дело сладилось как-то само собой. Омар вел себя так просто и естественно, будто всегда жил в титулованном семействе. С детьми довольно безболезненно установился прочный контакт: затюканный компьютерщик оказался мастером на всякие трюки и забавы, на которые ни у кого из старших не хватало времени. Нана даже стала находить в нем какое-то отдаленное сходство с умершим мужем.

Старики вели себя как ни в чем не бывало. Нодар подыгрывал Омару, а у Гулико как будто выросли крылья – настолько удавались ей все хозяйственные дела.

И только иногда, оставшись наедине, супруги позволяли себе скинуть маски показного веселья и необъяснимого прилива энергии.

– ...Нодар, ты слышал, сегодня Мишико назвал его папой, – шептала Гулико на ухо мужу. – Я еле сдержалась, чтоб не заплакать. Бедный мой мальчик... Почему он ушел?!

У Нодара дрогнул голос, и он закашлялся, прочищая горло.

– Гулико, генацвале. Не рви себе сердце. Наш сын живет в наших внуках. Все идет по плану. Надо держаться до конца. Скоро мы с ним встретимся...

Все действительно шло по тому графику, который высчитал заслуженный инженер и полярник по совместительству. Но однажды случилось непредвиденное. Нана, ужасно смущаясь, призналась Гулико:

– Даже не знаю, как сказать. Я беременна. Вот думаю теперь...

Экс-свекровь всплеснула руками:

– Что тут думать?! Конечно рожать!

Вечером старики в своей комнатке обсуждали неожиданную новость.

– Я просчитал все варианты, – возбужденно говорил Нодар, не то оправдываясь, не то отчитываясь. – Но этот случай я упустил. Что ж, так даже интереснее. Могу себе представить, как лопнет от злости Гурам. Помнишь, Гулико, мы работали с ним в одном КБ? Встретился он мне недавно, пыхтит прямо как паровоз в гражданскую войну. Только свистка не хватает. «Какие, – говорит, – у нас с тобой бессовестные невестки! Твоя бесстыдница еще посмела к вам в дом второго мужа привести! Моя стерва-невестка тоже хороша! Развелась с моим сыном и замуж вышла. Я с ней не разговариваю!»

– А ты что ответил? – спросила Гулико, замирая. Ее очень заботило людское мнение.

– Сказал, что очень глупо. Так ты и внука потерял! Сиди теперь, старей без детского смеха! Страшное дело – эгоизм! А у меня полный дом людей! Всё лучше этой проклятой тишины, когда слышен скрип полов при порывах ветра! Так что, Гулико, я не жалею об этой непросчитанной комбинации. Это только сплотит семью.

– Ты у меня всегда был умницей, – поддакнула жена. –

Недаром в восьмом классе ты лучше всех решал квадратные уравнения.

– Да, было дело, – горделиво крикнул Нодар, обнимая свою вторую половину.

И оба погрузились в обсуждение планов о том, что и как надо сделать до того, как на свет появится новый внук или внучка.

Встреча-предупреждение

Ищите во всем великого смысла. Все события вокруг вас имеют свой смысл. Ничего без причины не бывает.

Преподобный Нектарий Оптинский

История первая

– Бывает, услышишь чей-то чужой разговор или увидишь что-то вокруг и скажешь: «Да ведь это точно насчет меня». Со мной вот какой случай был, – говорит мне С., энергичная женщина лет пятидесяти. – Вразумление, предупреждение, как хочешь назови. Еду я недавно в трамвае, держусь за верхний поручень. Передо мной сидит какая-то пожилая грузинка. Тут двери открываются и входит курдянка. Одет типично: черный платок на голове, закрученный сзади узлом, в ушах золотые серьги размером с лесной орех и, конечно, разноцветные бархатные юбки. Узнали они друг друга, расцеловались. Слышу, грузинка спрашивает:

– Как твой Мураз, старший?

– Хорошо... Вырос – не узнаешь. Жену привел. Только сейчас в тюрьме сидит.

– Как? За что? – изумляется грузинка.

– Да украл что-то... Ты же знаешь, мальчик...

– Ну, а Джемали?

– Хороший вырос, красивый, на меня похож. Жениться собрался, да посадили. В Ортачальской тюрьме сидит.

– Вай, вай! Что ты говоришь?! – поражается грузинка и поскорее переводит разговор, заранее улыбаясь: – А третий, Омари, как?

– Спасибо, все хорошо. Два года как армию отслужил. Только тоже сидит... В Руставской тюрьме...

Я стою, невольно слушаю разговор. У меня, как и у той грузинки, волосы дыбом.

Та немного в себя пришла, охать перестала и спрашивает:

– А четвертый, Эмзари?

– Все хорошо. Недавно с армии вернулся... Посадили за драку... Вот, передачу несущ...

Грузинка уже со страхом спрашивает:

– А младший, Отари? Сколько ему уже?

– Уже пятнадцать. – улыбается мать. – Большой, красивый, на отца похож... В колонии несовершеннолетних сидит.

Грузинка сошла, а я, грешница, эту курдянку осудила. Что за мать, думаю? Пятерых сыновей специально для тюрьмы растила. И вскоре забыла об этом трамвайном эпизоде.

Проходит неделя, и я получаю телеграмму, что мой средний брат сидит в следственном изоляторе. Для меня это была катастрофа. А стыд какой! Сроду у нас в тюрьме никто не сидел! Проходит еще какое-то время, и узнаю, что мой младший брат по неизвестной причине посажен на два года

в России. Второй шок... Тут я эту курдянку и вспомнила... Не судите, да не судимы будете... Кому о моем горе рассказать, подумают: «Ну и семейка!» – хотя наши родители за всю жизнь нитки не украли и нас так же воспитывали. Правильно говорят: от сумы да тюрьмы не зарекайся.

История вторая

– ...Я поздно вышла замуж, – рассказала мне Н. – Два года пролетели быстро, а я не забеременела. Много лечилась, но так и не заимела желанного ребенка.

Однажды поздно ночью мы ехали с мужем домой. Лил проливной дождь. При свете молнии мы увидели старушку под деревом. Муж остановил машину, вышел с зонтом к ней и усадил ее на заднее место. Старушка улыбнулась и сказала:

– Сколько времени я здесь сижу, и никто не остановил машину. Окаменели сердца у людей, не умеют других жалеть, да еще при этом от Бога внимания к себе требуют. А вы благодатные. Господь оценит вашу доброту.

Мой муж перебил ее:

– Мед в ваши уста, бебо. Но мы оказались недостойными и обыкновенного человеческого счастья...

(Но не сказал ей, что речь идет о нашем бесплодии.)

Наша спутница замолчала и ничего не ответила. Но когда выходила из машины, повернулась и сказала нам:

– Ваш ребенок родится летом две тысячи пятого года.

Мы онемели... Это было поздней осенью 1995 года.

Мы оба еще долго лечились. Потом решили взять ребенка. Слова старушки мы не забыли и почему-то верили им. Но... мы, верующие, испугались, что такое предсказание могло быть от темных сил.

В 2000 году мы удочерили Мариам, которая принесла большое счастье в нашу семью.

И чудо действительно случилось. Наш сын Георгий родился в июле 2005 года. Мне тогда было сорок три, а моему мужу сорок восемь лет.

Синдром Кикоса

Вы слышали о таком редком заболевании? Даже представления не имеете, да? Тогда придется начать с исторических анналов. Есть такая армянская народная сказка. Боюсь напутать с названием, но дело обстояло так.

Послал как-то отец дочь за водой. Юная девушка с персиковой кожей и печальными глазами газели взяла пустой сосуд и отправилась к ближайшему источнику. Там она споткнулась о камень и разбила свой кувшин.

Девушка явно обладала живым умом и воображением, и поэтому ей тут же представилась следующая удручающая картина: «Вот выйду я замуж. Вот родится у меня сын Кикос. Вот пошлю я его за водой. Придет бедный ребенок сюда, споткнется, разобьет голову о камень и умрет».

И девушка заголосила во весь голос:

– Вай, вай... Бедный мой сын Кикос! Зачем я послала тебя за водой...

Плачет она, таким образом, убивается.

Приходит к ней через какое-то время сестра. Отец ее тоже послал, не дождавшись старшей.

– О чем ты так горько плачешь? – спросила ее сестра.

Девушка в ответ эмоционально принялась ей рассказывать свою историю:

– Вот родила я сына Кикоса. Вот разбился мой сыночек

О камень...

Заплакала вторая сестра:

– Бедный мой племянник Кикос!

Сидят, значит, плачут теперь коллективно и, соответственно, в два раза громче.

Приходит мать. Увидев рыдающих дочерей, задает им законный вопрос:

– В чем дело?

Дочери заплакали с удвоенной силой, между всхлипами успев выдать только:

– Погиб твой внук Кикос!

Сидит будущая бабушка, рвет на себе волосы:

– Вай, вай, бедный мой внук Кикос...

Приходит в конце концов отец семейства, измученный напрасным ожиданием. Выслушал он шокирующее известие и сказал, утерев скупые слезы:

– Чего же вы тут сидите? Пойдемте домой келех¹⁴ справлять...

Ну, что скажете? Гротеск, сатира, седая древность, канувшая в лету?

Вот вам телефонный разговор в XXI веке.

– Ой, что было! Что было! – из трубки доносится взволнованный молодой голос. – Я провела ужасную ночь. Как представила, что через два месяца мне рожать, аж вспотела от нервов... Вот родится у меня сын Михаил. Такое имя надо

¹⁴ Поминки (груз.).

ребенку дать, чтоб потом проблем не было с загранпаспортом. В Грузии он будет Михо, во Франции – Мишель, в Америке – Майкл, а в России – Миша. Чем плохо? А то другие дают детям какие-то заплесневелые имена в честь дедушек-прадедушек, не думая о завтрашнем дне. Или еще как-то назовут по-глупому. Вот, к примеру, сосед мой – Гулливер. А сам метр с кепкой. Дома Гулико зовут. Кто не знает – и не сообразит, мужик это или баба. Или вот, пожалуйста, золовка моей троюродной сестры – Ландыша. Думали, красавица родилась, а выросла – нервных просят не смотреть.

Нет, имя ребенку – это очень ответственное дело. Все надо продумать... Потом мой мальчик в детский сад пойдет. Надо уже у соседей детально выпросить, какой детсад лучше, няньки в какой смене хорошие и сколько платить.

А одна школа чего стоит? Это же страшно подумать, сколько проблем сразу свалится на мою голову. Надо сделать правильный выбор: русскую школу выбрать, грузинскую или английскую? Неизвестно, как политика повернется через двадцать лет.

А дальше, дальше... – Голос в трубке пресекался от волнения. – Вовремя женить моего мальчика надо. И главное, на ком! А вдруг какая кобра в дом заползет?! Я как себе будущую невестку представила, у меня сердце забилося так часто-часто! Чуть из груди не выскочило. Да еще вопрос: сумеем ли мы достаточно золота невестке собрать? Мой муж то работает, то нет. Так всю ночь без сна и провела. Пришлось

валерьянку пить для успокоения.

– У тебя явно синдром Кикоса, – неожиданно раздалось на другом конце провода.

– У меня-я? – Слышно непритворное возмущение. – Вон, у моего брата соседей два месяца назад девочка родилась. Так ей уже шесть одеял и семь подушек на приданное закупили, и еще они на этом не успокоились. Пошли будущему зятю хороший костюм купили и туфли сорок второго размера сапожнику заказали, чтоб потом лицом в грязь не ударить. И не осудишь их. Серьезные люди все заранее делают...

Про «борьбу с коррупцией», passive voice и кусочек «щастья»

*Сотворите добро, чтобы оно спасло вас.
Преподобный Гавриил (Ургебадзе)*

Тот сумасшедший день Лали Буадзе запомнила до мелочей только потому, что он от начала и до конца прошел под знаком цыганского счастья. Дело было так. С утра Лали, со-рокалетняя домохозяйка, пошла к Боржомскому вокзалу за джинсами. Именно там кучковались продавцы контрабандного товара.

Прибыв на место, она тут же была окружена грудастыми тетками с внушительными мешками и оглушена хоровой рекламой:

- Кеты, кеты за пятнадцать лар. За десять отдам...
- Трусы! Мужские трусы! И на тебя тоже хорошо будет...
- Ликра-калготка. Ликра за три лара. Дешевле не найдешь...

Лали шла под этим словесным градом, ища глазами среди тюков заранее намеченное. Сзади как приклеенная тащи-лась старая цыганка с волнистым попугайчиком и гнусаво долдонила:

– Боря-гадаит! Боря-гадаит!

Откуда-то снизу к ней тянулась рука (вторая при этом дер-

жала беспробудно спящего ребенка).

– Памагите хоть десять тетри...

Лали наконец-то увидела то, что искала, – необъятный мешок с разноцветными джинсами, а над ним – не менее габаритную торговку.

– Джинсы, фирма – джинсы. За двадцать лар. За пятнадцать отдам. Иди, иди сюда – сипта¹⁵ будешь!

Пока Лали рассматривала так и этак облюбованную пару, прикидывала на глаз, ее ли размер, по ряду волной пронеслось:

– Идут! Идут!

В мгновение ока все похватали свои мешки и кинулись врассыпную. Лали повернулась в противоположную сторону и увидела источник паники. Где-то вдалеке показались двое патрульных – ловить уличных торговцев. Потому как за такое штраф – пятьдесят лар.

Потянулась к выбранным джинсам – ни цыганки, ни ее мешка. Уже исчезла. Да еще прихватив Лалины два лара, которые уже были даны за покупку.

Вот поди ж ты не злишь на эту объявленную «борьбу с коррупцией»! Чего лазает этот патруль туда-сюда, когда вся вокзальная площадь прекрасно просматривается через видеокамеры, а спугнутые полицией мешочники снова вернутся на свои места через какое-то время? Людям тоже надо как-то

¹⁵ *Первый клиент, которому дают товар дешевле, чем другим. По логике он должен обеспечить удачную продажу в течение дня.*

существовать. Полгорода и выживает только за счет такой вот уличной нелегальной торговли.

В итоге Лали вернулась домой злая, уставшая и с почти пустой сумкой. Цены высокие. Все есть, но реально купить можно только вот у таких «перебежчиков»: у обычных продавцов все дорого.

Ее итальянский двор жил обычной жизнью. Из открытых окон доносился запах борща, а сверху тянуло какой-то вонью – опять, видно, у тети Дуси подгорело лобно.

Из окна Мзии гремели надоевшие всем гаммы: ученики у нее с утра до вечера бренчат Шопена с Моцартом. У всех эта классика уже в печенках сидит, но соседи относятся с пониманием. Надо же Мзии содержать своих трех внуков и сына-художника, прозванного Рубенсом. Картины пишет – уже складывать некуда, а никто не покупает.

Лали зашла к себе. Муж был дома, слушал новости. Диктор сообщал об очередной утечке бюджетных денег в неизвестном направлении. На экране мелькали озабоченные лица министров, сыпавших экономическими терминами. Хотя к чему эта говорильня, и так ясно. Были деньги – и нет их. Кукукнулись. А оставшиеся всё падают и падают в своей «покупательной способности». Лали занялась готовкой.

Параллельно новостям из окна рядом доносилась какая-то нудятина:

– Passive voice образуется при помощи вспомогательного глагола «быть» и смыслового глагола в третьей форме.

Лали усмехнулась бессмысленности происходящего. Это ведь Ленка, Эльвирина дочка, грызет гранит науки. И тут «борьба с коррупцией». Раньше Эльвира одной бонбоньеркой в конце года решала все Ленкины проблемы, а теперь шиш. Каждый за свое место трясется, никто на шоколад не клюет. Эльвира на чем свет Мишу клянет. Ей теперь тройной хардж¹⁶: молодой математичку найми, англичанку тоже, а Ленка все равно программу не тянет. Недоношенная, что тут сделаешь. Сейчас, по всему видно, английский зудят.

Лали не утерпела, выглянула из-за занавески на это мученье. Ленка сидела, подперевшись, и смотрела немигающим взглядом в рот учительнице. Та наконец-то закончила теорию и перешла к практике. Она спросила внимательную ученицу:

¹⁶ Траты (груз.).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.